

Ю. Д. Апресян

**Избранные труды
том I**

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ЯЗЫКА**

**2-издание,
исправленное и дополненное**

**Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»**

**Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ

ИСТОКИ СЕМАНТИКИ

Современная лексическая семантика уходит своими корнями в ряд лингвистических и смежных с ними дисциплин, из которых важнейшими являются следующие:

1) Лексикография, чьи практические потребности постоянно ставили теоретическую семантику перед необходимостью создать аппарат для исчерпывающего и неизбыточного толкования лексических значений, характеристики лексической и синтаксической сочетаемости слов, описания их семантических связей с другими словами и т. п.

Лексикография требует прежде всего ответа на вопрос, что слова значат. Между тем теоретическая семантика предшествующей эпохи занималась почти исключительно вопросом о том, как слова значат. Именно этому посвящено учение о способах развития значений – сужении и расширении, дифференциации и аттракции, метафоре и метонимии и т. п., а также более тонкие наблюдения над направлением переносов – от пространственных значений – к временным, но не наоборот; от *nomen anatomica* – к именам физических предметов, но не наоборот; от названий свойств, воспринимаемых осязанием, обонянием и вкусом, – к названиям свойств, воспринимаемых зрением или слухом, но не наоборот; и ряд других.

По указанной причине семантика и лексикография долгое время развивались независимо друг от друга. Как свидетельствует Л. В. Щерба, «лингвистика XIX в., увлеченная открытиями Боппа, Гримма, Раска и др., как правило, вовсе не интересовалась вопросами теории лексикографии» (Щерба, 1940: 78). Это положение вещей в значительной мере сохранялось и в первой половине нашего столетия и дало У. Вейнрейху основание писать о («роковой бездне между теоретической и описательной семантикой, бездне, которая обрекает первую на бесплодие, а последнюю – на атонизм» (Вейнрейх 1963а: 115). Однако в целом для лингвистики XX века характерно встречное развитие семантики и лексикографии, отразившееся в работах таких замечательных языковедов, какими были Л. В. Щерба, Ш. Балли, Э. Сэпир, К. Эрдман, Дж. Фирт, В. В. Виноградов. Современная семантика так или иначе усвоила следующие сформулированные этими учеными принципы: а) сущность,

называемая (лексическим) значением слова, – это не научное, а «наивное» (по Л. В. Щербе – («обывательское»)) понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями (*valeur émotive*, *Gefühlswert*, *feeling*, *tone*), не соответствующими каким-либо существенным признакам обозначаемого словом предмета или факта (Балли 1921, Эрджман 1925, Щерба 1931, 1940, Фирт 1935, 1951); б) эта сущность должна раскрываться в толковании слова, выполняемом на особом «интеллектуальном языке-идентификаторе» (Балли 1921, 1926), который строится в основном на базе обычного языка, но может содержать и такие слова (например, «норма» в смысле Э. Сэпира), которые не имеют прямых семантических соответствий в естественном языке (Сэпир 1944); в) слова в языке соединяются друг с другом не вполне свободно, т. е. не только на основе информации об их значениях; процессы построения словосочетаний и предложений подчиняются особым сочетаемостным ограничениям – лексическим и конструктивным (Балли 1926, Виноградов 1947а, 1947б, 1953); г) даже в относительно свободных словосочетаниях значение целого словосочетания далеко не всегда складывается из значений образующих его слов по простому закону суммирования; существуют и более интересные правила взаимодействия значений, дающие не «сумму значений», а некий более сложный продукт (Щерба 1931, Виноградов 1969).

Все эти идеи, представляющие непосредственный лексикографический интерес, высказывались часто именно как результат раздумий над лексикографическими проблемами и намечали интересные пути сотрудничества лексикографии и семантики. Для некоторых школ современной семантики такое сотрудничество уже стало фактом (ср., в особенности, французскую семантику и лексикографию – Имбс 1960, Дюбуа 1964, Греймас 1964, 1966, Рей 1965, 1968а, 1968б, 1970, Рей-Дебов 1966, 1967, 1969, 1970, Дюбуа 1970 и словари Дюбуа 1966, Робер 1967), и сейчас попытки создать законченную теорию семантики оцениваются, в частности, с учетом их лексикографической полезности (Вейнрейх 1963а, 1963б).

2) Лингвистическая семантика 40-х и 50-х годов (Ельмслев 1943: 305, 325 и сл., Кребер 1952, Гуденаф 1956, Лаунсбери 1956, Ельмслев 1957), из которой было заимствовано представление о компонентной структуре лексических значений (в свою очередь перенесенное в лингвистическую семантику из фонологии и грамматики, где анализ по дифференциальным признакам – фонологическим и грамматико-семантическим – практиковался в течение десятилетий); ср. *жеребец* = 'лошадь + самец', *кобыла* = 'лошадь + самка', *кобель* = 'собака + самец', *сука* = 'собака + самка', *мужчина* = 'человек + самец + взрослый', *женщина* = 'человек + самка + взрослая', *мальчик* = 'человек + самец + невзрослый', *девочка* = 'человек + самка + невзрослая' и т. д.

Первоначально анализировались относительно простые и замкнутые системы типа терминов родства, названий животных, военных и иных номенклатур и даже высказывалась мысль (например, Мартине 1953, Ульман 1964, Шмелев 1966: 104), что исчерпывающее разложение значений на дифференциальные признаки возможно только в рамках таких систем. Однако в обстоятельной книге М. Матьо (Матьо 1968; ср. также Матьо 1967) принципы анализа по дифференциальным признакам были распространены на гораздо более широкие слои лексики.

Традиционная теория дифференциальных семантических признаков была существенно дополнена в 60-х годах концепцией интегральных признаков (Толстой 1968, Шмелев 1969: 15, Найда 1970: 9), в силу которой в значение слова могут входить такие семантические компоненты, по которым оно не противопоставляется никаким другим значениям в пределах определенного тематического круга слов. Для слов *сын* и *дочь* признак степени родства является дифференциальным, поскольку именно он лежит в основе противопоставления *сын* – *племянник*, *дочь* – *племянница*, а для слова *дети* тот же признак оказывается интегральным, так как противопоставленного *детям* родового названия для *племянников* и *племянниц* в русском языке нет. В связи с этим было сделано наблюдение, что в лексике преобладают эквиолентные, а не привативные оппозиции (ср. *бор* = 'большой густой хвойный лес' – *роща* = 'небольшой, обычно лиственный лес' при отсутствии однословного выражения для значений 'небольшой густой хвойными лес', 'большой лиственный лес' и т. п.; см. Шмелев 1966: 103)¹.

Наряду с существенными семантическими признаками значений (дифференциальными и интегральными) было признано необходимым рассматривать в ряде случаев несущественные признаки, называемые «ассоциативными» (Шмелев 1969: 26), или «потенциальными» (Гак 1972: 382); ср. с. 67. Для слова *молния*, например, таким признаком является быстрота, для слов *дед* и *бабка* – старый возраст, для слов *дядя* и *тетя* – тот факт, что они обычно старше его, и т. д. Учет ассоциативных признаков важен потому, что во многих случаях они служат основой различных метафорических переносов, ср. *телеграмма-молния*; *дяденька* и *тетенька* в обращении и т. п.

Одновременно высказывались ценные мысли об отношениях между признаками в составе толкования. Хотя разложение лексического значения на дифференциальные семантические признаки в принципе обходится без синтаксиса (*жеребец* = 'лошадь + самец' = 'самец + лошадь', т. е. лексическое значение представляется как неупорядоченное множество юнктивно связанных

¹ *Бор* значит, скорее всего, не 'большой густой хвойный лес', а 'сосновый лес, состоящий из больших деревьев'.

компонентов), многие авторы не удовлетворялись этим представлением. Так, У. Гуденаф и Ф. Лаунсбери постулировали отношение притяжательности между именами признаков по крайней мере при записи значения на денотативном уровне (*племянник* = 'сын брата или сестры').

Иная идея иерархической организации значения обсуждалась позднее в работах Потье 1965, Хеллер и Макрис 1967, Толстой 1968, Гак 1971.

Изучая цветообозначения, Г. Хеллер и Дж. Макрис установили следующую иерархию семантических компонентов («параметров») в словаре и, по-видимому, в толковании соответствующих слов: главный компонент – тон (длина волны, ср. *красный, желтый, синий* и т. д.); зависимые компоненты – интенсивность (степень несмешанности с белым, ср. *темно-, густо-, светло-*) и яркость (количество отраженного света, ср. *ярко-, тускло-*); основанием для этого вывода служит тот факт, что тон встречается без двух других компонентов, а эти последние без тона не встречаются, ср. *красный – пурпурный, розовый, алый, багряный*.

Толстой (1968: 345, 361 и сл.) выделяет в составе семантических признаков, или сем, образующих данное значение, семы двух видов – опорные (конкретные и немаркированные) и сопутствующие (абстрактные и маркированные, служащие основой противопоставлений; ср. *березничек* = 'б е р е з а + лес + молодость + малая величина'; вразрядку набрана опорная сема).

По В. Г. Гаку (следующему в этом отношении за Б. Потье), наоборот, ядром значения лексемы является, по-видимому, сема родового значения («архисема»), а дополнительным элементом – «дифференциальные семы видового значения» (Гак 1971).

Таким образом, для теории и практики «компонентного анализа значений» характерно признание иерархической организации значения на основе его дифференциальных признаков, имеющее общие черты с представлением о том, что всякое лексическое значение обладает определенной синтаксической структурой (см. ниже, с. 77).

3) Философская и логическая традиция толкования значений слов, восходящая ко временам античности (Аристотель), богато представленная в XVII – XVIII веках (Локк, Лейбниц, Спиноза) и возрождающаяся в наше время (см., например, Остин 1965). В типичных для этого направления работах выражаемое словом понятие анализируется в составе целого высказывания и в связи с той ситуацией, которая им описывается, причем делается попытка свести большое число сложных понятий к небольшому числу простых и эффективно различить любые два понятия. Толкуя, например, такие сложные слова, как *надежда, страх, уверенность, отчаяние*, Спиноза вводит понятие о будущем и два простых бинарных признака: 'хорошее' – 'дурное' и 'случайные вещи' (они могут наступить или не наступить) – 'необходимые вещи' (они должны наступить). Это позволяет ему построить глубокие, хотя и не во всем

верные толкования, представление о которых могут дать следующие примеры: «Если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой... С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе возникает покой, называемый нами уверенностью... Когда же мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние» Бенедикт Спиноза (Избранные произведения. М., 1957, Т. 1, с. 128–129).

4) Исчисление высказываний математической логики, давшее метаязыку семантики основы рекурсивного синтаксиса с правилами образования и преобразования; существенными чертами этого синтаксиса являются: а) различие имен отношений, или предикатов, и имен предметов, по отношению к которым предикаты играют роль синтаксически господствующих элементов, использованное лингвистической семантикой для определения и записи лексических значений, например, *А показывает В* $X-y = \text{показывает}$ (A, B, X) = ' A каузирует (X видит B)' = ' каузирует (A видит (X, B))'; б) представление о предикатах более высокого и более низкого порядка, в силу которого предикат более низкого порядка может занимать место предметной переменной в предикате более высокого порядка; ср. в нашем примере второе место двухместного предиката *каузировать*, занятое двухместным же предикатом *видеть*, порядок которого на единицу ниже порядка *каузировать*; в) преобразования со связками и кванторами, с помощью которых одни правильно построенные формулы переводятся в другие равносильные им и тоже правильно построенные формулы (Рейхенбах 1947; см. также работы Рассел 1940, Тарский 1948, 1956, Куайн 1953, 1960, Черч 1960). В этом же направлении воздействовала на семантику порождающая грамматика Н. Хомского (Хомский 1957) с ее идеей семантически инвариантных преобразований, развитой в современной семантике в весьма содержательную теорию синонимического перифразирования, и модальная логика, откуда в лингвистическую семантику были перенесены определения элементарных модальностей и операции над ними (Модальная логика 1967; из работ лингвистов см. Адамец 1968, Вежбицка 1969): *необходимо* P = 'невозможно не P ', *возможно* P = 'неверно, что необходимо не P ' и т. п. В так называемой деонтической модальной логике (логической теории норм и нормативных высказываний) понятию необходимости соответствует понятие обязательности, понятию возможности – понятие разрешенности и понятию невозможности – понятие запрещенности, так что *обязательно* P = 'невозможно не P ', *разрешено* P = 'необязательно не P ', *запрещено* P = 'обязательно не P '. Все эти определения и равенства усвоены современной лингвистической семантикой и используются ею при анализе соответствующих слов.

Внутренняя логика развития лингвистической семантики и те импульсы, которые она получала от смежных с нею наук, действовали в одном направлении, и к концу 60-х годов идейный разнобой предшествующей эпохи стал в значительной мере достоянием истории. Может быть, одним из самых замечательных показателей зрелости современной семантики, при том, что субъективно он многим причиняет огорчения, является тот факт, что одни и те же результаты получаются лингвистами, работающими совершенно независимо друг от друга. Тенденция к интеграции в современной семантике бесспорна и отчетливо проявляется в развитии самых различных направлений, хотя многие из них до сих пор сохраняют принципиальные особенности.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Для многих современных лингвистических школ характерно понимание семантики как особого компонента полного описания языка, которое в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей. Чтобы составить себе представление о модели языка в целом и о ее семантическом компоненте в особенности, необходимо уяснить, из каких умений складывается тот феномен, который называется «языковое поведение», «владение языком» и т. п.

Люди, знающие тот или иной естественный язык, могут выполнять с его помощью следующие операции:

1) Строить на этом языке текст, выражающий нужное значение (способность говорения), а также извлекать значение из воспринимаемого текста (способность понимания). Неумение выбрать слова и конструкции, выражающие требуемое значение, приводит к семантической ошибке, например, такой: *Преступники угнали несколько государственных и собственных машин*. Это предложение либо неправильно (надо было сказать *частных*, а не *собственных*), либо правильно, но нелепо (преступники обокрали себя, угнав свои собственные машины). Ошибка объясняется тем, что автор приведенного высказывания спутал два близких, но не совпадающих по значению слова: *частный* X = ' X , принадлежащий отдельному лицу' и *собственный* X = ' X , принадлежащий тому лицу, которое пользуется X -ом'².

2) Соединять слова друг с другом идиоматично, т. е. в соответствии со сложившимися в данном языке и подчас трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости. По-русски нельзя сказать *транжирить* или *мотать деньгами* (надо: *транжирить* или

² Если машина (рубашка или ручка), которую некое лицо A использует по ее прямому назначению (ездит, носит, пишет), ему же и принадлежит, то мы можем говорить о ней как о собственной машине (рубашке или ручке) этого лица.

матать деньги), *приходить в хандру* (надо: *впасть в хандру*), хотя никакой семантической ошибки тут нет: форма творительного падежа *деньгами* может иметь требуемое по смыслу объектное значение (ср. *сорить* или *бросаться деньгами*), а глагол *приходить* — требуемое по смыслу значение 'начинать находиться в состоянии, обозначенном зависимым существительным' (ср. *приходить в ярость*).

3) Устанавливать различные семантические отношения между высказываниями, в частности: а) отношения синонимии, ср. *Нет на свете дела, более трудного, чем составление словаря* = *Составление словаря — самое трудное дело на свете*; б) отношения логического следования, ср. *Мальчик вылечился* $\Rightarrow$ *Мальчик выздоровел* $\Rightarrow$ *Мальчик здоров*. При говорении эта способность проявляется в умении перифразировать построенный текст многими различными способами, оставляя неизменным его содержание или меняя последнее строго определенным способом, а при понимании — в умении увидеть полное или частичное семантическое тождество внешне различных текстов.

4) Устанавливать различные семантические свойства предложений, в частности: а) отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных, б) отличать семантически связные тексты от семантически несвязных.

Подчеркнем, что здесь имеются в виду умения, основанные на владении чисто языковой (словарной и грамматической), а не энциклопедической информацией. Текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка значит: 'Плывя стилем «кроль», он покрыл расстояние в сто метров и затратил на это 45 секунд'. Для тех, кто знает не только русский язык, но и таблицу мировых достижений в плавании (элемент энциклопедической, а не языковой информации), то же самое предложение может оказаться гораздо содержательнее. Оно может быть воспринято как сенсационное сообщение о феноменальном мировом рекорде, как напоминание о безграничных физических возможностях человека и т. п.

Достаточно знать только грамматику языка и словарные значения слов, чтобы построить перифразы *Стометровую дистанцию (стометровку) он проплыл кролем за 45 секунд*, *На сто метров кролем у него ушло 45 секунд*, *Стометровку он прошел кролем за 45 секунд*, *Он затратил 45 секунд на то, чтобы пройти кролем расстояние в 100 метров*, *Стометровку он проплыл кролем за 3/4 минуты* и очень многие другие. К услугам знатока спорта будут и совершенно иные возможности перифразирования: *Кратчайшую олимпийскую дистанцию он проплыл кролем за 45 секунд*, *На стометровой дистанции кролем он на 10 секунд улучшил прежний мировой рекорд* и т. д.

Если человек владеет только языковой информацией, он не сумеет сказать, являются ли семантически связными тексты: *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, установив, таким образом, феноменальный мировой рекорд* и *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, едва выполнив, таким об-*

разом, норму третьего разряда. Если же человек владеет и соответствующей энциклопедической информацией, первое предложение будет для него семантически связно, хотя и неправдоподобно, а второе – несвязно или ложно.

Итак, речь идет лишь о моделировании знания языка, а не знания действительности. В указанных рамках носители языка выполняют все перечисленные операции интуитивно и не отдают себе отчета в том, на каком основании они выбирают то или иное решение. Рассмотрим, например, предложение *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*. Его значение непосредственно очевидно всякому человеку, владеющему русским языком, хотя можно сомневаться в том, что рядовой носитель языка сумеет теоретически удовлетворительно объяснить существо закона, который он интуитивно использует при понимании данного предложения. Однако модель не может апеллировать к интуиции, которой у нее нет, и если мы хотим, чтобы она выполняла доступные человеку операции с текстами, мы должны заложить в нее необходимую информацию в явном виде. Эта информация складывается прежде всего из знания фонетических, морфологических и синтаксических единиц и правил и знания словаря, но, конечно, не исчерпывается этим. Существуют еще некие семантические правила интерпретации текстов; ниже мы эксплицируем одно из них, допустив, что синтаксическая структура предложения и значения входящих в него слов уже известны ³.

Оставляя в стороне многозначность слов *хороший*, *не*, *на*, выпишем в столбец значения всех других слов ⁴.

<i>Кондитер</i>	<i>жарить</i>	<i>хворост</i>	<i>газовый</i>	<i>плита</i>
1.	1.	1.	1.	1.
'тот, кто из-готавливает сласти'	'изготавливать пищу нагреванием на/в масле'	'сухие отпавшие ветви'	'состоящий из газа (облако)'	'плоский кусок твердого материала'
2.	2.	2.	2.	2.
'торговец сладостями'	'обдавать зноем'	'печенье, изготовленное кипячением в масле'	'производящий газ'	'нагревательное устройство для изготовления пищи'
3.			3.	
'владелец кондитерской'			'работающий на энергии сжигаемого газа'	

³ Правило, о котором пойдет речь, было установлено П. Губериной, а затем уточнено и дополнено в следующих работах: Мастерман et al. 1959, Мастерман 1962, 1963, Мастерман et al. 1964, Паркер-Роудс 1964, Мартемьянов 1964, Катц и Постал 1964, Уилкс 1965, Джоунс 1965, Потье 1965, Греймас 1966, Вежбицка 1967, Севбо 1969, Гак 1972. Важные поправки к нему см. в работе МакКоли 1968б; интересны также соображения У. Вейнрейха (1966а).

⁴ Значения сформулированы здесь очень приблизительно.

Если модель не знает закона, по которому из значений слов строится значение предложения, ничто не мешает ей понять это высказывание, например, в следующем смысле: 'Хороший торговец сладостями не обдаёт зноем сухие отпавшие ветви на плоском куске металла, производящем газ'. Это осмысление получается в результате такой комбинации значений: *кондитер 2, жарить 2, хворост 1, газовый 2, плита 1*; общее же число принципиально мыслимых комбинаций значений и, следовательно, принципиально возможных прочтений предложения в пределах заданной информации достигает $3 \times 2 \times 2 \times 3 \times 2 = 72$. Из них лишь одно является оптимальным по своей информативности и естественности. Чтобы сформулировать закон, на основании которого носитель языка безошибочно выбирает именно его, рассмотрим внимательнее к значениям слов, дающим оптимальное осмысление предложения. Это значения *кондитер 1, жарить 1, хворост 2, газовый 3 и плита 2*; характерным для них является наличие ряда общих семантических элементов, а именно элемента 'изготавливать' ('тот, кто изготавливает', 'изготавливать пищу', 'изготовленное', 'для изготовления пищи'), элемента 'нагревание' ('нагреванием на/в масле', 'изготовленное кипячением', 'энергия сжигаемого газа', 'нагревательное устройство'), элемента 'пища' ('сладости', 'изготавливать пищу', 'кипячением в масле'). Выбор названных значений обеспечивает максимальную повторяемость семантических элементов в пределах предложения; легко убедиться, что при любом другом осмыслении предложения повторяемость семантических элементов будет менее высокой.

Это и есть основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума. Этот закон представляет собой строгую формулировку старого принципа, в силу которого нужное значение многозначного слова «ясно из контекста»; иногда он называется правилом семантического согласования (Гак 1972)⁵.

Теперь можно формально эксплицировать, хотя бы в первом и самом грубом приближении, и понятие семантической связности текста: текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары

⁵ Если пользоваться этим термином, то следует иметь в виду, что между грамматическим и семантическим согласованием имеется существенное различие: слово *A*, грамматически согласованное с *B*, заимствует у последнего определенные значения в данном тексте; между тем семантически согласованные друг с другом слова *A* и *B* не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре. Бесспорно, однако, что понятие согласования (повторяемости каких-то элементов языковой информации) может быть обобщено таким образом, что грамматическое и семантическое согласование предстанут как его частные случаи.

синтаксически связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связан.

Уже этот пример показывает, что попытка смоделировать понимание человеком семантически связанных текстов или его умение отличать семантически связанные тексты от несвязанных приводит к постановке серьезного вопроса о языке, на котором описываются значения слов. Очевидно, например, что, поскольку повторяться в тексте могут только части сложных значений, а не эти значения целиком, каждое из сложных значений должно быть представлено в виде комбинации более простых значений, а каждое из этих простых значений должно (в формальном языке) всегда называться одинаково: если одно и то же простое значение будет называться по-разному в зависимости от того, входит ли оно в сложное значение 'A' или 'B', факт его повторяемости в словосочетании *AB* не может быть непосредственно установлен.

Сказанное позволяет заключить, что искомый язык существенно отличается от естественного языка хотя бы тем, что его слова семантически гораздо проще слов естественного языка и не имеют синонимов. В дальнейшем мы займемся этим вопросом подробнее; здесь же достаточно подчеркнуть, что к точно таким же выводам мы бы неминуемо пришли, если бы рассматривали требования, вытекающие из формальной постановки проблемы моделирования любой другой способности из числа тех, которые в совокупности составляют «владение языком». В частности, не имея специального языка для записи значений, невозможно формально смоделировать умение носителя языка строить тексты с заданным содержанием.

Неудивительно поэтому, что вопрос о языке для записи значений слов и — шире — целых высказываний оказался в центре внимания многих современных школ и направлений семантики, которой теперь отводится очень важная роль: она не просто «изучает значения слов», но отвечает за разработку языка для записи семантической информации и (отчасти) правил перехода от предложений этого языка к предложениям естественного языка. В связи с этим выделяется по крайней мере два уровня представления высказываний: семантический (у некоторых авторов — глубинно-синтаксический) и поверхностно-синтаксический (ср. Жолковский и Мельчук 1965, 1967, Лэмб 1966, Вежбицка 1967, Лайонс 1967, Лаков 1968, МакКоли 1968, Филмор 1969, Брекле 1969, Беллерт 1969, Богуславский 1970, Шаумян 1971, Бархударов 1973). В работах последних лет (см. в особенности Мельчук 1974а, 1974б) число уровней возрастает до пяти-шести: семантический, глубинно-синтаксический, поверхностно-синтаксический, глубинно-морфологический, поверхностно-морфологический, фонологический. Однако такая концепция уровней и соответствующая ей терминология сложилась не сразу. В конце 60-х годов многие исследователи еще не различали семантической и синтаксической информации. Не желая модернизировать работы, выбранные нами для обзора,

мы в большинстве случаев сохраняли использованную в них терминологию. Однако читатель должен иметь в виду, что термины «глубинный уровень» и «глубинная структура» во многих из них (особенно в работах Дж. Лакова и Дж. Лайонса) употребляются не для обозначения того, что сейчас принято называть глубинно-синтаксическим уровнем и глубинно-синтаксической структурой, а для обозначения семантического уровня и семантического представления высказывания. Посмотрим, как решается вопрос о семантическом уровне представления высказываний в разных школах современной семантики.

1. По существу, одна из первых попыток построить семантический язык-посредник (ЯП) для записи высказываний на семантическом уровне была предпринята Кембриджским лингвистическим кружком (Мастерман et al. 1959, 1964, Кей 1959, Мастерман 1962, Паркер-Роудс 1964, Уилкс 1965).

Многочисленные сформулированные кембриджцами требования, которым должен удовлетворять язык-посредник, сводятся, по мнению автора, к двум основным: во-первых, язык-посредник должен снимать внутриязыковую синонимию, т. е. отождествлять одинаковую семантическую информацию, независимо от того, какими средствами данного естественного языка – лексическими или грамматическими – она выражается; во-вторых, он должен снимать межъязыковую синонимию, т. е. отождествлять одинаковую семантическую информацию, независимо от того, средствами какого естественного языка она выражается.

На основе этих идей кембриджцы построили серию ЯП, самый поздний из которых состоит из 58 классификаторов (имен элементарных смыслов) и рекурсивных правил построения формул из них. Элементарная формула состоит из двух классификаторов, взятых в круглые скобки и разделенных маркерами (двоеточием или косой чертой). Элементарные формулы правильны. Если X и Y – правильные формулы или классификаторы, то $(X : Y)$, (X/Y) – также правильные формулы.

Классификаторы сведены в несколько сот шаблонов, каждый из которых содержит три классификатора, определяющих класс элементарных ситуаций, например, 'Человек место делать', 'Животное место делать', 'Человек место находиться', 'Человек действие производить' и т. п. Предложениям *Джон читает в комнате*, *Петр опустошил кладовую* соответствует первый шаблон (что нам представляется труднообъяснимым), предложениям *Кошки опустошали кладовую*, *Собака бежит по комнате* – второй и т. д.

Указанные средства используются для семантического анализа текста, который протекает в два этапа. На первом этапе текст переписывается на ЯП с помощью особого алгоритма, разбивающего текст на фрагменты (в экспериментах, о которых имеется информация, это осуществлялось вручную). Фрагмент текста соответствует правильной формуле той или иной степени сложности. Основной алгоритм с помощью словаря шаблонов проверяет фрагмен-

ты на содержание таких разрывных троек классификаторов (определенным образом ограниченных маркерами), которые соответствуют шаблонам, и заменяет фрагмент шаблонами. Предусматривается, что предложения могут быть неоднозначны (это проявляется в возможности заменить данный фрагмент несколькими последовательностями шаблонов).

На втором этапе устанавливается, является ли полученная последовательность шаблонов семантически связной. Для этого используются правила, представляющие собой разновидности сформулированного на с. 14 закона. Два следующих друг за другом в тексте шаблона семантически связаны, если какой-нибудь классификатор первого шаблона совпадает с каким-нибудь классификатором второго шаблона или с отрицанием какого-нибудь классификатора. Эти же правила позволяют разрешить и многозначность, т. е. выбрать в множестве возможных пониманий данного текста наиболее вероятное.

В идеале рассматриваемая теория должна отвечать на вопрос о том, как протекает понимание и синтез семантически связных текстов, и моделировать этот процесс. По мнению создателей теории, можно говорить о понимании в слабом и в сильном смысле. Понимание в слабом смысле (локальное, первый этап анализа) – это умение извлечь из каждого предложения содержащуюся в нем информацию. Понимание в сильном смысле (глобальное, второй этап анализа) – это умение построить, на основании извлеченной из данного предложения информации, правдоподобную гипотезу о возможном содержании следующего за ним предложения (ср. Мартеньянов 1964).

К сожалению, реализация этой глубокой программы в работах Кембриджской школы, насколько можно судить по опубликованным материалам, оказалась ниже замысла. Семантический анализ, основные принципы которого восходят еще к первым работам кембриджцев, чересчур упрощает реальное положение вещей⁶. Об этом свидетельствуют машинные эксперименты по проверке системы, в которых машина должна была найти осмысленный ответ на поставленный ей простой вопрос и, таким образом, моделировать синтез семантически связного текста. Было принято очень либеральное понимание «семантической связности», допускавшее в качестве правильно связанных пар такие вопросы и ответы, как *Когда вы отправляетесь? – В соседнюю деревню или Вниз по этой улице*. Но даже при таком широком понимании правильнос-

⁶ Кембриджцы были пионерами современной семантики, и их история, как история всяких пионеров, драматична. Они начали работу в конце 50-х годов, располагая лучшими в ту эпоху, но примитивными с современной точки зрения средствами. Инерция не позволила их вовремя обновить, и исследователи, включившиеся в работу позднее, но применившие более совершенные методы, добились больших успехов. Так страна, сохраняющая старый основной капитал, экономически отстает от страны, которая создает его на совершенно пустом месте.

ти машина синтезировала в качестве ответов на тот же вопрос предложения типа *На вокзале, Я чувствую себя хорошо, Я думал, что да.*

Объясняется это тремя причинами. Во-первых, ЯП, в силу своей лексической и синтаксической бедности, не обеспечивает той глубины анализа значений слов, которая необходима для установления семантической связности текста. Во-вторых, анализ текста осуществляется с помощью словаря шаблонов, которые дают возможность различать лишь большие классы конкретных ситуаций, но не сами конкретные ситуации. В-третьих, для установления семантической связности текста используется очень слабое правило (см. выше с. 17), не предполагающее даже, чтобы частичное совпадение (пересечение) классификаторов обнаруживалось у синтаксически связанных слов. Но частичное совпадение классификаторов синтаксически не связанных друг с другом слов вполне совместимо с полной семантической бессмысленностью тек-

ста, ср. ¹Фонема ²обоняла ³звук ⁴запаха, где первое и третье, второе и четвертое слова имеют общие классификаторы, но синтаксически друг с другом не связаны, а синтаксически связанные слова (1 и 2, 2 и 3, 3 и 4) не имеют общих классификаторов.

Поэтому, хотя исходные установки кембриджцев (см. с. 16) предвосхищали многие современные принципы, их работа не оказала заметного влияния на дальнейшие семантические исследования, а сам кружок распался.

2. Гораздо более заметным было воздействие на современную семантику идей трансформационной грамматики Н. Хомского, которая в самых первых вариантах мыслилась как устройство, порождающее все грамматически правильные предложения данного языка и не порождающее ни одного неправильного (Хомский 1956, 1957). По предположению, такая грамматика моделирует ту сторону владения языком, которая проявляется в умении отличать правильное от неправильного в языке. Впоследствии (Хомский 1965) понятие правильности стало рассматриваться не на одном, а на двух уровнях: competence – знание языка и performance – использование языка, т. е. фактическая речевая практика. То, что одобряется языковой компетенцией, необязательно встречается в речевой практике, и наоборот.

Первоначально работа в области трансформационной грамматики велась без учета того очевидного факта, что грамматическая правильность предложений существенно зависит от их лексического наполнения. К середине 60-х годов теоретики-трансформационалисты освободились от иллюзий на этот счет (см., например, Клима 1965, Хомский 1965), но сделать правильные выводы из нового понимания отношений между грамматикой и лексикой удалось не сразу.

В течение по крайней мере трех лет (Катц и Фодор 1963, Катц и Постал 1964, Катц 1966) делались попытки найти компромисс между первоначальным вариантом порождающей грамматики Н. Хомского и какой-нибудь формой участия в ней словарной информации. Компромисс, предложенный Дж. Катцем, Дж. Фодором и П. Посталом и принятый Н. Хомским, выглядит следующим образом.

Порождающее устройство сначала строит глубинную синтаксическую структуру будущего предложения, которая затем подается на вход интерпретирующего семантического устройства. Это устройство 1) определяет число возможных осмыслений данного предложения, 2) записывает с помощью семантических компонентов значение каждого порождаемого предложения, 3) обнаруживает семантические аномалии (например, отмечает бессмысленность предложения *Герань женилась*, противоречивость *Холостяки женаты* и т. п.), 4) определяет, какие семантически неаномальные предложения аналитически истинны, т. е. истинны в силу приписанных словам значений (ср. *Холостяки неженаты*), а какие – синтетически истинны, т. е. истинны в силу соответствия фактам (ср. *Солнце – источник жизни на Земле*), 5) устанавливает отношения равнозначности между предложениями, т. е. перифрастические отношения, и решает ряд других вопросов.

Построение глубинной синтаксической структуры предложения обеспечивается обычными правилами НС-грамматики. Что касается семантической интерпретации предложения, то она осуществляется с помощью особого словаря и так называемых семантических проекционных правил.

В словаре каждое слово в каждом из своих значений получает синтаксическую характеристику (например, существительное, одушевленное, исчисляемое, конкретное); ему приписываются элементарные семантические признаки (например, *холостяк* = 'неженатость', 'мужской пол'); наконец, оно снабжается указанием о том, каких семантических признаков оно требует от сочетающихся с ним слов (например, *честный* снабжается пометой, что господствующее существительное должно обладать признаком одушевленности).

Проекционные правила получают на входе значения единиц, являющихся непосредственно составляющими какой-либо конструкции (например, значения слов *честный* и *холостяк* в конструкции AN), и сочетают эти значения в новое сложное значение. Проверяя, удовлетворены ли в данной паре слов требования сочетаемости признаков, какие значения данных слов могут в принципе сочетаться и т. д., правила сложения вырабатывают информацию о числе возможных осмыслений предложения, их аномальности-неаномальности и т. д.

Не входя в детали этой системы (см. ее содержательный критический разбор в Вейнрейх 1966а), подчеркнем ее основное свойство: порождение предложения начинается с порождения его глубинно-синтаксической структуры,

подвергаемой в дальнейшем семантической интерпретации⁷. Это – дань первому, ныне отвергнутому варианту трансформационной грамматики и свидетельство половинчатого характера ее перестройки. Противоестественность такого порядка порождающих операций становится очевидной, когда они рассматриваются с точки зрения задач перифразирования. Готовая глубинно-синтаксическая структура жестко ограничивает свободу выбора вариантов выражения определенного значения: поскольку синтаксический компонент трансформационной грамматики порождает цепочки символов классов типа N, V, A, Adv, оказывается невозможным непосредственно установить синонимичность предложений, построенных на основе разных частей речи, например, *Ганс любит работу* (NVN) и *Ганс работает охотно* (NVAdv)⁸, *Она солил суп* – *Она сыплет соль в суп*, *Его ждали вчера* – *Он должен был приехать вчера*, *Она прикидывалась глухой* – *Она делала вид, что глуха* – *Она симулировала глухоту* – *Ее глухота была мнимой (притворной)*. Для формализации таких перифрастических отношений нужна свободная от ограничений синтаксиса семантическая запись, которая позволяла бы представлять поверхностно совершенно разные предложения как реализации одного семантического представления. Иными словами, с точки зрения задач перифразирования более естественно выглядит обратный порядок операций – от значения на входе к синтаксическим структурам на выходе, как это было предусмотрено еще в Жолковский et al. 1961. Неудивительно, что в рассматриваемой модели перифразирование сводится к немногим семантически инвариантным грамматическим трансформациям и подстановке лексических синонимов: такие преобразования не затрагивают или почти не затрагивают синтаксической структуры предложения, а менее тривиальные преобразования требуют ее перестройки.

В результате критического пересмотра модели Дж. Катца, Дж. Фодора и П. Постала идея семантической интерпретации готовой синтаксической структуры уступила место идее синтеза предложения с заданным смыслом. В связи с этим на первый план выдвинулись вопросы о «семантической глубинной структуре предложения» (с нынешней точки зрения – о семантическом представлении высказывания), о перекодировании глубинной структуры в поверхностную, о словарях, ориентированных на решение этой задачи, и о семантическом анализе слова в таком словаре.

⁷ См. ревизию этого положения в работах: Бах 1968, МакКоли 1968а, 1968б, Бреккле 1969. По мнению Дж. МакКоли, грамматика состоит «из единой системы правил, преобразующей семантические представления высказываний в поверхностно-синтаксические представления» (МакКоли 1968б: 124). Еще более четко та же идея была сформулирована Р. Шэнком: «... существуют универсальные межъязыковые семантические представления, в которые синтаксические структуры данного языка преобразуются при понимании и из которых они создаются при говорении» (Шэнк 1972: 553–554).

⁸ Формальные правила этого и других подобных преобразований были предложены еще в 1965 г. – см. Жолковский и Мельчук 1965.

Исследование глубинной структуры шло двумя путями. Одни лингвисты довольствовались принципиальной констатацией того, что для некоторых предложений с очень разной поверхностной структурой по ряду причин приходится постулировать одну и ту же глубинную структуру; при этом никакого языка для записи глубинной структуры не предлагалось. Другие лингвисты сосредоточивались на разработке языка для записи глубинных структур и формах их фиксации.

3. Характерные черты первого подхода полно и отчетливо проявились в работе Дж. Лакова (Лаков 1968), посвященной анализу предложений с инструментальными адвербиальными оборотами типа 1) *Seymour sliced the salami with a knife* 'Сеймур нарезал салами ножом'. В прежних трансформационных штудиях им приписывалась синтаксическая структура, в корне отличная от синтаксической структуры предложений типа 2) *Seymour used a knife to slice the salami* 'Сеймур воспользовался ножом, чтобы нарезать салами'. Первое предложение квалифицировалось как простое, с инструментальным обстоятельством, а второе – как сложное, представляющее собой трансформ двух простых предложений: *Seymour used a knife* + *Seymour sliced the salami*.

Дж. Лаков обратил внимание на то, что эти предложения являются перифразами друг друга. Если считать, что они совершенно различны по своей синтаксической структуре, придется завести два разных правила семантической интерпретации, которые приписывали бы им одно и то же значение. Между тем ряд фактов указывает на то, что различия между рассматриваемыми предложениями касаются только поверхностной синтаксической структуры; их глубинная структура идентична, и поэтому при их трансформационном порождении можно обойтись одним правилом семантической интерпретации. Одновременно, как считал Дж. Лаков, будут объяснены и все запреты, ограничивающие возможности лексических и синтаксических преобразований таких предложений.

Прежде всего, в предложениях обоих типов выражается значение цели. Для предложений с инфинитивным оборотом этот тезис не нуждается в доказательствах; что касается предложений с инструментальным *with*, то они могут быть двусмысленны, ср. *I cut my finger with a knife* 'Я разрезал себе палец ножом' (с целью, намеренно) и 'Я порезал себе палец ножом' (без цели порезаться, ненамеренно, случайно). Предложения с нецелевым *with* отличаются от предложений с однозначно целевым *with* тем, что не встречаются 1) в форме продолженного вида (*I was cutting my finger with a knife* – однозначно целевое), 2) с модальными глаголами *can* 'мочь', *try* 'пытаться' и др. под. (*I tried to cut my finger with a knife* – однозначно целевое), 3) в императиве (*Cut your finger with a knife* – однозначно целевое)⁹.

⁹ Следовало бы добавить, что несовместимость нецелевого значения с формами императива, глаголами со значением попытки и т. п. объясняется именно тем, что в последние входит

Другим общим свойством предложений обоих типов является наличие в них глагола со значением действия. В предложениях, не содержащих такого глагола, не может быть ни инструментального *with*, ни глагола *use*. Так, предложения со стативным глаголом *know* 'знать' – **I knew the answer with a sliderule* – 'Я знал ответ с помощью логарифмической линейки', **I used a sliderule to know the answer* 'Я использовал логарифмическую линейку, чтобы знать ответ' – неправильны, хотя предложения с противопоставленным *know* активным глаголом *learn* 'узнавать' вполне допустимы: *I learned the answer with a sliderule* 'Я узнал ответ с помощью логарифмической линейки', *I used a sliderule to learn the answer* 'Я использовал логарифмическую линейку, чтобы узнать ответ'.

Третьим общим свойством предложений с *with* инструментальным и глаголом *use* является обязательность одушевленного деятеля; предложения, подлежащее которых обозначает неодушевленного деятеля, не могут, по понятным соображениям, содержать ни *with* инструментального, ни глагола *use*; ср. неправильность предложений **The explosion killed Harry with a stone* 'Взрыв убил Гарри камнем' и **The explosion used a stone to kill Harry* 'Взрыв использовал камень, чтобы убить Гарри'.

Смысл сделанных Дж. Лаковым наблюдений состоит, по нашему мнению, в том, что он уравнивает лексические значения предлога *with* и глагола *use*: оба эти слова используются для выражения идеи инструментальности (и могли бы рассматриваться как чисто синтаксические супплетивные производные, если бы предлоги и глаголы были связаны продуктивными словообразовательными моделями). Чтобы сделать этот вывод, не требуется, вообще говоря, никаких других аргументов, кроме того, что предложения *Seymour sliced the salami with a knife* и *Seymour used a knife to slice the salami* ситуативно равнозначны: поскольку, кроме *with* и *use*, все остальные лексические единицы этих предложений одни и те же и трудно предположить действие каких-либо правил сложения значений, отличных от простого «суммирования», мы вынуждены заключить, что лексическое значение *with* и *use* тоже совпадает. Из этого непосредственно следует, что рассматриваемым предложениям соответствует одно и то же предложение семантического языка. Все другие наблюдения Дж. Лаковым свойства (отнюдь не избыточные, потому что они необходимы для объяснения фактов сочетаемости-несочетаемости различных элементов в составе поверхностных предложений) – не доказательство, а проявление семантического тождества.

значение цели; например, императив, или побуждение, – это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определенное действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом.

Похожим образом исследуется понятие глубинной структуры и в работах некоторых английских теоретиков (Халлидей 1967, 1968, Лайонс 1967, 1968, Лич 1969), показывающих, что языковые явления, выглядящие на поверхностном уровне одинаково, могут выводиться из разных глубинных структур, а языковые явления, выглядящие на поверхностном уровне по-разному, могут выводиться из одной и той же глубинной структуры.

Исследуя, вслед за М. Халлидеем (Халлидей 1968: 182) и Ч. Филмором (Филмор 1966), отношения между каузативными и эргативными конструкциями, Дж. Лайонс интересным образом проанализировал предложения типа 1) *Иван прыгнул*, 2) *Иван пролетел метр* и 3) *Иван ударился о столб*. Предложения первого типа, к которым можно добавить еще *Иван думает*, *Ребенок спит*, *Птица летит* и т. п., – агентивные: они описывают, что делает субъект. Предложения третьего типа, к которым можно добавить еще *Иван умер*, *Камень летит* и т. п., – не агентивные: они описывают, что с предметом случилось или происходит. Предложения второго типа допускают оба осмысления: Иван сам может быть инициатором своего полета, а с другой стороны, его полет может рассматриваться как результат воздействия на Ивана посторонней силы¹⁰.

Предложения всех трех типов имеют сходную поверхностную синтаксическую структуру: имя предмета в них трактуется как подлежащее. Из-за этого возникает иллюзия, что в этих предложениях Иван, ребенок, птица, камень – субъекты соответствующих процессов, т. е. (активные) производители действия. Однако, как считает Дж. Лайонс, глубинная структура рассматриваемых предложений различна. В первом случае (*Иван прыгнул*, *Иван думает*, *Ребенок спит*, *Птица летит*) поверхностное подлежащее действительно обозначает субъект действия; в третьем же случае (*Иван умер*, *Камень летит* и т. д.) формальное подлежащее обозначает фактического реципиента действия, пациенса, с которым что-то случается, происходит. Действие в этих случаях – всегда результат воздействия, именем которого является каузативный глагол: *Некто убило Ивана* ⇒ *Иван умер*, *Некто бросил камень* ⇒ *Камень летит* (ср. Золотова 1973, где высказываются похожие мысли.)

Несколько более рискованно выглядит попытка установить единую глубинную структуру для предложений со значением существования, локализации и обладания. Если отвлечься от приводимой Дж. Лайонсом диахронической аргументации, то основной довод в пользу их отождествления на глубинном уровне состоит в том, что все они могут быть организованы глаголом-

¹⁰ Многозначность предложений второй группы, к которым примыкают и проанализированные Дж. Лаковым предложения типа *Я порезал себе палец ножом* (см. с. 21), – одна из труднейших семантических проблем, пока не получившая убедительного решения: см. с. 176.

-связкой и иметь одинаковую структуру, часто с дополнениями, указывающими место и время события: *В Африке есть львы* (экзистенциальное), *Он был в Париже* (локативное), *У Ивана есть книга* (посессивное; ср. лат. *Est Johanni liber* 'У Ивана есть книга', лишь впоследствии вытесненное конструкцией *Johannes habet librum*). Традиционно и, как кажется, более обоснованно эти употребления *esse* рассматриваются как реализации разных и не сводимых друг к другу значений¹¹.

В книге Дж. Лича представляют интерес наблюдения над семантической связью между кванторами всеобщности и существования, импликацией и родо-видовыми значениями. Предложения типа *Дети любят яблоки* и *Мальчики читают книгу* на поверхностно-грамматическом уровне имеют одну и ту же структуру. Однако их семантические представления различны. В семантической записи первого предложения содержится квантор всеобщности (*Все дети любят яблоки*), а в семантической записи второго – квантор существования. Из предложений первого типа можно вывести предложения, в которых квантифицированное слово заменено видовым термином: *Дети любят яблоки* $\Rightarrow$ *Мальчики любят яблоки* (дедуктивная импликация, соответствующая одной из силлогистических фигур аристотелевской логики). Из предложений второго типа можно вывести предложения, в которых квантифицированное слово заменено родовым термином: *Мальчики читают книгу* $\Rightarrow$ *Дети читают книгу* (индуктивная импликация) (Лич 1969: 35–38).

4. Другой подход к исследованию глубинной структуры представлен в работах Ч. Филмора (Филмор 1966, 1968, 1968б, 1969, 1970, 1971). Этот автор предлагает язык для записи глубинной структуры и некоторые правила перевода глубинных структур в поверхностные, что связано с очень интересными опытами истолкования значений. Поэтому его система заслуживает более подробного анализа.

Ч. Филмор принимает гипотезу компонентной структуры значения и идею последовательного разложения лексического значения каждого слова на все более простые компоненты – вплоть до конечных (*ultimate*). Ими являются не только абстрактные понятия типа 'тождество', 'время', 'пространство', 'тело', 'движение', 'жизнь', 'страх', но и «неопределяемые термины, которые непосредственно указывают на аспекты или объекты культурного и физического

¹¹ Всего у глагола *быть* и его эквивалентов в других языках усматривается четыре значения: 1) экзистенциальное, 2) локативное (примеры см. выше), 3) идентифицирующее (*Это был мой брат*), 4) атрибутивное, или включающее (*Мой брат будет строителем*). К этому надо добавить посессивное значение (см. выше) и, по крайней мере, для некоторых языков, метаязыковое, в котором связка эквивалентна глаголу *обозначать*; ср. англ. *Bookshop is librairie*, приблизительно эквивалентное предложению *Bookshop – это книжная лавка* (последнее наблюдение принадлежит Ж. Рей-Дебов; см. Рей-Дебов 1970: 27).

универсума, в котором живут люди» (Филмор 1969: 111). Другим существенным элементом языка, с помощью которого описываются лексические значения, является предикатно-аргументный синтаксис. Полнозначные слова языка (глаголы, многие прилагательные и существительные, некоторые – например, причинные – союзы и т. п.) описываются в словаре с помощью предикатно-аргументных структур, снимающих различия между частями речи (в глубинной структуре частей речи нет).

Разделяя широко распространенные взгляды на аргументную структуру предикатов (*buy* 'покупать' – четырехаргументный глагол, *rob* 'грабить' – трехаргументный, *touch* 'касаться' – двухаргументный, *ascend* 'подниматься' – одноаргументный), Ч. Филмор отступает от обычной практики в том отношении, что считает нужным указывать не только число аргументов данного предиката, но и их семантическое содержание¹², или роль. Ролевая структура предиката устанавливается на основе инвентаря значений, обычно рассматриваемых в теории падежа, и поэтому иногда называется его падежной структурой. Ч. Филмор устанавливает следующие глубинные падежи, или роли, аргументов: 1) Агент¹³ – одушевленный инициатор событий, описываемых соответствующим глаголом, например, *Он говорит* (ср. соображения А. Вежбицкой о структуре субъекта, с. 33); 2) Контрагент – сила, против которой направлено действие, например, *сопротивляться к о м у - л и б о*; 3) Объект – вещь, которая передвигается или изменяется, положение или существование которой является предметом внимания, например, *разбить о к н о, осуждать кого-л. з а о п о з д а н и е, К а м е н ь у п а л*¹⁴; 4) Место (судя по примерам) – физическое тело, испытывающее непосредственное воздействие со стороны деятеля, например, *задеть чей-л. н о с*; место отличается от объекта тем, что допускает перифразу типа *задеть чей-л. нос – задеть кого-л. по носу*; в случае объекта такая перифраза недопустима, ср. *разбить чей-л. нос – *разбить кого-л. по носу*; 5) Адресат (goal), судя по примерам – лицо, в пользу которого или во вред которому совершается действие, например, *осуждать к о г о - л., учить к о г о - л., продавать что-л. к о м у - л., покупать что-л. у к о - г о - л.*; 6) Пациент – вещь, которая испытывает эффекты действия, например, *Он осуждает Петра, грабить к о г о - л., красть что-л. у к о г о - л.*; 7) Ре-

¹² Похожие идеи развивались с 1968 года и автором данной работы; см., например, Апресян 1968, 1969.

¹³ Названия ролей пишутся с большой буквы, чтобы у читателя не возникало ассоциаций с привычными семантико-синтаксическими понятиями; словоупотребление Ч. Филмора не соответствует ни этимологии слов, ни лингвистической терминологической традиции. В случаях полного соответствия английского и русского предикатов английские примеры иногда заменяются русскими.

¹⁴ Нельзя не обратить внимания на сходство концепций объектного значения у Ч. Филмора и Дж. Лайонса (см. с. 23).

зультат – вещь, которая возникает в результате действия (ясных примеров этой роли у Филмора нет); 8) Инструмент – стимул или непосредственная физическая причина события, например, *ударить кого-л. к н у т о м, под-
няться н а н о г и*; 9) Источник – место, от (из) которого что-л. направлено, например, *О н преподает мне математику, О н продает книгу*.

Между ролями – элементами глубинной структуры и аргументами – элементами поверхностной структуры нет взаимнооднозначного соответствия. Поэтому а) один аргумент может выполнять несколько ролей (в *Он преподает мне математику* подлежащее обозначает одновременно и Агента и Источник); б) аргумент может быть обязательным, а выполняемая им роль – факультативной (ср. *Джон упал*, где есть обязательный объект – тело Джона – и факультативный Агент – сам Джон, если он упал намеренно; если же Джон упал ненамеренно, то значение Агента в рассматриваемом предложении не выражается); в) роль может быть обязательной, а аргумент – факультативным; у глагола *blame* 'осуждать' имеются четыре семантически необходимые роли – синкретично (одним аргументом) выражаемый Источник и Пациент (осуждающий), Объект (проступок) и Адресат (субъект проступка). Обязательной на поверхностном уровне, т. е. реализующейся в любом предложении с глаголом *blame*, Ч. Филмор считает лишь последнюю роль; все остальные роли на поверхностном уровне могут не выражаться, ср. *He was blamed* 'Его осуждали'; г) роль может быть выражена имплицитно, без каких-либо поверхностных экспонентов: в *подниматься (по лестнице)* и *целовать* содержится имплицитное указание на Инструмент (ноги и губы соответственно).

В изложенной системе ролей есть несколько неясных пунктов.

В словосочетании *задеть чей-л. нос* выделенное слово интерпретируется как Место, а не как Объект, на том основании, что в данном случае допустима трансформация *задеть чей-л. нос – задеть кого-л. по носу*. Но словосочетание *задеть потолок* не допускает такой трансформации; значит ли это, что у глагола *задеть* в одном и том же значении есть две разные ролевые структуры, выбор которых зависит от чисто физических свойств задетого предмета? Настолько ли велико различие между *задеть чей-л. нос* и *разбить чей-л. нос*, чтобы в первом случае трактовать *нос* как имя места, а во втором – как имя объекта? Ведь для *разбить чей-л. нос* возможна аналогичная трансформация *разбить кому-л. нос*, близость которой к трансформации, рассмотренной Ч. Филмором, вытекает хотя бы из того, что для некоторых глаголов этого семантического класса возможны они обе; ср. *гладить чью-л. голову – гладить кого-л. по голове – гладить кому-л. голову*. По всей видимости, возможность-невозможность таких трансформаций зависит от ряда явлений поверхностной структуры, и связывать с ними глубинные различия нет оснований. И в словосочетаниях типа *разбить н о с*, и в словосочетаниях типа *за-*

деть нос выделенное слово выполняет роль Объекта; однако в определенных условиях, разных для *задеть* и *разбить*, эта роль может выполняться сразу двумя поверхностными аргументами (подробнее см. с. 153).

Когда Ч. Филмор говорит, что существуют ситуации, в которых участвуют два или более активных деятеля (*покупать* – *продавать*, *учить* – *учиться*), то это естественно понимать в том смысле, что в описывающей такую ситуацию глубинной структуре должна повторяться роль Агента. Ч. Филмор, однако, накладывает на свою систему искусственное условие, в силу которого ни одна роль не повторяется дважды. Поэтому в указанном случае одному из аргументов приписывается роль Агента, а другому – роль Адресата, причем распределение этих ролей зависит от того, какой из двух (конверсных) глаголов выбран для описания соответствующей ситуации: если у *покупать* В – Агент, а С – Адресат, то у *продавать*, наоборот, С – Агент, а В – адресат.

Условие неповторяемости ролей навязано, по-видимому, свойствами поверхностной структуры, а именно различием в морфологическом оформлении и синтаксической трактовке аргументов. Оно может быть оправдано в какой-то мере для случая *покупать* – *продавать*¹⁵, но создает значительные трудности при интерпретации аргументов симметричных предикатов типа *беседовать*, *встречаться*, *даться*, *дружить* (с кем-л.), *знакомить*, *мирить* (кого-л. с кем-л.).

Ч. Филмор полагает, что многие данные, касающиеся выбора тех или иных предлогов для поверхностных дополнений, «окажутся избыточными, потому что они будут выработаны с помощью других признаков предикатов или определены на основании того, какова природа глубинной падежной структуры» (Филмор 1969: 131). Он, по-видимому, не учитывает того, что во многих случаях, особенно при так называемом сильном управлении, предлоги лишены самостоятельного лексического значения, а их употребление часто идиоматично, т. е. их выбор мотивируется не столько выражаемым значением, сколько тем, при каком именно слове оно выражается. Два предиката могут быть достаточно близкими синонимами друг друга, и тем не менее одни и те же глубинные падежи будут выражаться при них совершенно различными

¹⁵ Здесь тоже сохраняется неясность. Исходя из духа концепции Ч. Филмора, в подлежащем и косвенном (или предложном) дополнении глаголов типа *продавать*, *покупать* следовало бы видеть поверхностные формы, синкретично реализующие сразу по две глубинные роли: Агент является одновременно и Адресатом, потому что в ситуации купли-продажи он не только передает нечто другому, но одновременно является и получателем какой-то ценности. При этом решении различие между подлежащим и косвенным дополнением с точки зрения глубинной структуры снимается; удержать его формально можно только при условии, что порядок перечисления ролей жестко фиксирован: тогда подлежащее выполняет роли Агента и Адресата, а косвенное (предложное) дополнение – роли Адресата и Агента.

предлогами (ср. *избегать кого* и *бегать от кого*; дальнейшие примеры см. на с. 121). В таких случаях информация о предлогах не может быть выработана на основании каких-либо семантических соображений, но должна включаться непосредственно в словарную статью соответствующего предиката.

Нам остается рассмотреть еще один вопрос, прежде чем перейти к изложению способов фиксации глубинной структуры и правил ее перевода в поверхностную. Речь идет о втором нововведении Ч. Филмора, состоящем в том, что он предложил более тонкую, чем традиционная, концепцию лексического значения. Традиционная концепция значения (Валли 1921, Эрдман 1925, Огден и Ричардс 1927, Фирт 1935, Вандриес 1937 и большинство позднейших авторов, например, Ульман 1957, Звегинцев 1957) исходит из представления о том, что содержательная сторона языковых единиц многослойна. Помимо значения в собственном смысле слова (*sens intellectuel*, *Begriffsinhalt*, *denotation*) в нее включаются еще побочное значение, или оттенок значения (*nuances*, *Nebensinn*, *contextual meaning* в смысле Дж. Фирта), а также стилистические и эмоционально-экспрессивные элементы значения (*register*, *valeur émotive* или *affective*, *Gefühlswert*, *Stimmungsgehalt*, *feeling*, *tone*)¹⁶; оценка этих аспектов значения с помощью специальной системы стилистических помет давно стала азбукой лексикографической работы. Ч. Филмор идет дальше своих предшественников в том отношении, что расщепляет на две сущности прежде единое понятие собственно значения. Этими сущностями являются значение и presupposition. Поясним последнее понятие.

Под presuppositionами понимаются условия, которые должны быть удовлетворены, чтобы предложение могло функционировать как вопрос, приказ, утверждение и т. п. Presuppositionи просьбы *Откройте, пожалуйста, дверь* складываются из двух предположений говорящего о знаниях, которыми располагает адресат речи: 1) адресату известно, какую дверь имеет в виду говорящий, 2) адресат знает, что эта дверь закрыта. Говоря *Гаррис обвинил Мэри в написании передовой статьи*, субъект речи предполагает, что Гаррис отрицательно оценивал деятельность Мэри, и утверждает, что Гаррис утверждал, что Мэри была тем человеком, который написал передовую. Говоря *Гаррис критиковал Мэри за написание передовой статьи*, субъект речи предполагает, что Гаррис считал Мэри автором передовой, и утверждает, что Гаррис отрицательно оценил написание статьи. Употребление глагола *chase* 'преследовать' предполагает, что жертва преследования передвигается с большой скоростью, а употребление глагола *escape* 'совершить побег' – что в какое-то время, пред-

¹⁶ Два последних термина, принадлежащих И. Ричардсу, отражают более тонкую дифференциацию экспрессивных компонентов значения, содержащую в зародыше идею модальностей: *feeling* – это знак отношения к слушающему, а *tone* – к предмету сообщения.

пешествовавшее побегу, его субъект был насильно задерживаем в каком-то месте. Tall 'высокий, рослый' и short 'низкий, приземистый', в отличие от high 'высокий' и low 'низкий', предполагают, что предмет, которому приписаны эти свойства, расположен в вертикальной плоскости и имеет контакт с землей. Blame 'осуждать' предполагает, что осуждающим является лицо, а accuse 'обвинять' – что лицом является и обвиняющий и обвиняемый.

Различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция. В силу этого принципа оказывается, например, что в толковании слова *холостяк* – 'взрослый мужчина, никогда не состоявший в браке' – только те семантические компоненты, которые стоят направо от запятой, образуют собственно значение: именно они отрицаются в предложении *Петр не холостяк*. Два остающихся компонента – 'взрослый мужчина' – образуют пресуппозиции *холостяка*, потому что предложение *Петр не холостяк* ни при каких условиях нельзя понять как отрицающее тот факт, что Петр был взрослый мужчина. Иными словами, под отрицанием меняется только значение высказывания, но не его пресуппозиции¹⁷.

Этот беглый обзор примеров пресуппозиций показывает, что в их число включаются три принципиально различных класса семантических элементов:

¹⁷ Существует по крайней мере один более общий способ объяснения наблюдаемого Ч. Филмором эффекта, не предполагающий обращения к понятию пресуппозиции. Отрицание, наряду с такими семантическими элементами, как значение положительной оценки, высокой степени, и другими, входит в обширный класс смыслов, которые при соединении со значениями синтаксически главных слов воздействуют не на все значение целиком, а лишь на его часть. В этом отношении отрицание отличается от других родственных ему смыслов только тем, что оно почти всегда действует на одну и ту же – самую левую или «вершинную» – часть толкования, в то время как для других смыслов эта часть раз и навсегда не фиксирована (в тех немногих случаях, когда отрицание взаимодействует с отрицаемым значением идиоматично, соответствующее правило должно формулироваться не в грамматике, а непосредственно в словарной статье данного слова; см. в этой связи анализ частицы *только* на с. 82). В свете этого толкование слова *холостяк* (как, впрочем, и любого другого слова) можно перестроить таким образом, чтобы смысл 'никогда не состоявший в браке', попадающий в область действия отрицания, был самым левым, или, более точно, самым вершинным: X – *холостяк* = 'X, являющийся взрослым мужчиной, никогда не состоял в браке'. Тогда словосочетание *не холостяк* автоматически получит нужную интерпретацию: X – *не холостяк* = 'X, являющийся взрослым мужчиной, не никогда не состоял в браке' $\cong$ 'состоял или состоит в браке'. Сказанное отнюдь не значит, что понятие пресуппозиции полностью избыточно. В других случаях под пресуппозициями понимаются те элементы толкования, которые описывают оценку обозначаемой словом ситуации одним из ее участников или субъектом речи. В современной семантике они иногда называются модальной рамкой высказывания и интерпретируются как особый семантический объект.

1) элементы энциклопедического знания, то есть знания «текущей ситуации», которые ни при каких условиях не могут быть включены ни в толкование лексических значений слов, ни в описание их сочетаемости (ср. самый первый пример – пресуппозиции просьбы); 2) элементы, которые могут быть включены непосредственно в толкования, но не в описание сочетаемости (ср. анализ глаголов *accuse* 'обвинять', *criticize* 'критиковать', *chase* 'преследовать', *escape* 'совершить побег', прилагательных *tall* 'высокий' и *short* 'низкий'); к их числу относятся и элементы, образующие модальную рамку толкования (ср. учение о модальной рамке высказывания, разработанное польскими лингвистами А. Богуславским и А. Вежбицкой – см. ниже, с. 32); 3) наконец, элементы, которые могут быть включены скорее в описание сочетаемости слова, чем в толкование его значения (ср. пресуппозиции одушевленности Агента для глаголов *accuse* и *blame* 'винить', 'осуждать').

Семантические исследования Ч. Филмора, наиболее оригинальные результаты которых мы только что изложили, завершились пересмотром обычной схемы словарной статьи в толковом словаре. По мысли Ч. Филмора, словарь является одним из главных средств задания глубинных (ролевых) структур и правил их перевода в поверхностные (аргументные) структуры. В связи с этим Ч. Филмор предлагает значительно расширить объем помещаемой в словаре информации (правда, речь идет только о глаголах) и изменить форму ее подачи. В целом получающаяся схема имеет много общего с «моделью управления» – формой описания синтаксических свойств слова, которая используется в толково-комбинаторном словаре модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Представление о том, как Ч. Филмор мыслит лексикографическое воплощение своих семантических идей, дают следующие образцы разработанных им словарных статей (приводятся с минимальным комментарием).

Blame 1. 'осуждать'	– Речь (т. е. <i>blame</i> – не глагол речи) – Моментальность
аргументы:	X, Y, Z
падежи (роли):	Источник и Пациент, Адресат, Объект
предлоги:	by, on, for (by – предлог X в пассивной конструкции; on – предлог Y в конструкции <i>blame something on somebody</i> ; for – предлог Z в конструкции <i>blame somebody for something</i>)
нормальное подлежащее:	X
прямое дополнение:	Y или Z (т. е. осуждают либо лицо, либо его поступок)
пресуппозиции:	X – лицо Z – деятельность Z' или результат Z' X считает [Z' – плохо]

значение:	X считает [Y каузировал Z']
факультативность при неопределенности	X (т. е. в случае неопределенного подлежащего оно может опускаться)
факультативность при определенности	Z (т. е. в случае определенного проступка его упоминание может опускаться)
Assuse 'обвинять'.	+ Действие, + Речь, + Моментальность
аргументы:	X, Y, Z
падежи:	Источник и Агент, Адресат, Объект
предлоги:	by, of (ср. accuse somebody of something)
нормальное подлежащее:	X
прямое дополнение:	Y
пресуппозиции:	X и Y – лица Z – деятельность X считает [Z – плохо]
значение:	X указывает [Y каузировал Z)
факультативность при неопределенности:	X
факультативность при определенности:	Z

Нельзя не отметить тонкости и эффективности различения семантически и синтаксически близких слов.

5. Большой интерес представляет семантический язык (*lingua mentalis*) для записи смысла высказываний, разработанный А. Вежбицкой (Вежбицка 1967а, 1967б, 1967в, 1967г, 1968а, 1968б, 1969)¹⁸ на основе идей ее учителя А. Богуславского (Богуславский 1966, 1970). Если для рассмотренных выше работ характерно стремление построить семантический язык как расширение логического языка исчисления предикатов, то А. Вежбицка строит свой *lingua mentalis* как сужение естественного языка. Это – наиболее простая словарно и синтаксически часть естественного языка, а именно его минимальный словарь и минимальный набор синтаксических конструкций, признаваемый достаточным для описания значений всех остальных лексических и грамматических средств данного языка.

¹⁸ Последняя книга А. Вежбицкой (*Wierzbicka Anna. Semantic primitives. Athenäum Verlag, Frankfurt, 1972*) стала доступна автору после завершения работы над рукописью данной книги и не могла быть учтена должным образом.

Словарь *lingua mentalis* состоит из нескольких десятков неопределяемых семантических элементов типа 'хотеть', 'не хотеть' (независимые друг от друга и равно сложные модальности), 'считать', 'делать' и немногих других. Очевидно, что свести реальное разнообразие значений к столь ограниченному набору смыслов можно лишь при условии очень глубокого анализа семантических единиц, обычно принимаемых за элементарные¹⁹. В этой связи заслуживает внимания предложенное А. Вежбицкой семантическое описание таких на первый взгляд неразложимых понятий, как 'возможность', 'обладание', 'правда', 'утверждение', 'отрицание', и ряда других; по мысли А. Вежбицкой, *Я могу* значит 'Я сделаю, если захочу', *Я обладаю вещью* значит 'Я имею право (= общество хочет, чтобы я мог) сделать с вещью все, что захочу'²⁰; *правда* = 'суждение, которое мы должны принять', *должен P* = 'не может не P' (ср. с. 10); *S есть P* (утверждение) = 'Я хочу, чтобы ты считал, что S есть P'; *S не есть P* (отрицание) = 'Я не хочу, чтобы ты считал, что S есть P' (таким образом, понятие отрицания связывается с понятием воли); *знать* = 'мочь сказать правду'; *понимать P* = 'знать, что P значит' (ср. *A туп* = 'трудно каузировать A понять'); *A интересуется X-ом* = 'A хочет знать об X' и т. п.

Однако главное отличие *lingua mentalis* от других семантических языков этого типа лежит не в области словаря, а в области синтаксиса, а именно – в синтаксической структуре его предложений. Обычно двумя основными элементами семантического представления простого предложения считаются п-местный предикат и предметные переменные, обозначающие его аргументы (ср. понятие ролевой структуры у Ч. Филмора). А. Вежбицка исходит из того, что в «глубинной структуре» все предикаты суть одноместные имена свойств и единственный аргумент каждого предиката – это субъект S, которому приписывается данное свойство P: S есть P. Однако эта формула не исчерпывает структуры высказывания; как ясно хотя бы из приведенных выше примеров, А. Вежбицка дополняет ее третьим элементом – модальной рамкой М (в некоторых работах фигурирует еще один элемент – обозначение времени, когда данное свойство характеризует данный предмет). В результате общая структура предложения на *lingua mentalis* приобретает следующий вид: М, что S есть P. При переходе от *lingua mentalis* к естественному языку эта

¹⁹ По мнению автора этой книги, даже в этом случае исходных семантических элементов будет на порядок больше.

²⁰ В работе В. Ю. Розенцвейга, посвященной лексике имущественных отношений (Розенцвейг 1964: 104), значение обладания рассматривается как неразложимое; по существу, нет анализа этого значения и в другой специальной работе – Бендикс 1966: 38, хотя номинально A has B толкуется: 'между A и B имеется отношение; A – тема высказывания'. Во всех общих работах по семантике (в том числе в настоящем исследовании) глаголы типа *иметь* принимаются в качестве неопределяемых.

структура преобразуется по определенным правилам, включающим, в частности, правила снятия модальностей (Вежбицка 1967б: 36).

Сама по себе идея, что всякое предложение естественного языка выражает модальность (и время) и что, следовательно, толкующее его предложение семантического языка должно иметь специальные средства для фиксации соответствующих значений, конечно, не нова. Не ново даже то, что в структуре толкующего предложения предусматривается особое место для символов, в явном виде отражающих имплицитные модальности толкуемого предложения естественного языка – уже А. Сешэ и Ш. Балли полагали, что предложения типа *Идет дождь* в действительности значат нечто вроде 'Я считаю, что идет дождь' (ср., например, учение Ш. Балли о модусе и диктуме; Балли 1955: 43 и сл.). Новым является а) набор модальностей ('Я хочу', 'Я считаю', 'Я понимаю', 'Я думаю' и т. п.), б) понимание модальной рамки как сложной структуры с отдельными местами для модальностей субъекта сообщения и адресата сообщения (ср. 'Я считаю, что ты понимаешь, что...'), в) мысль о том, что модальная рамка имплицитно присутствует в любом предложении естественного языка и, следовательно, должна быть эксплицитно представлена в толкующем его предложении семантического языка, г) использование этого аппарата для описания лексических значений. Разработанный А. Вежбицкой аппарат модальностей ставит семантический анализ больших пластов лексики – в первую очередь, частиц, вводных слов, союзов и наречий типа *вполне, всего, даже, еще, к счастью, наконец, но, по существу, скорее, только, ужé, целый, хотя* и т. п. – на гораздо более глубокую, чем прежде, основу (ср. один из первых интересных опытов в этом направлении – Мушанов 1964). Он, надо надеяться, окажет плодотворное влияние на лексикографическую практику, неизменно обнаруживающую свою слабость при столкновении с такими словами. Заметим, в частности, что использование модальностей типа 'мнение', 'ожидание', 'предположение' и т. п. позволяет описать очень тонкие семантические различия, обычно не замечаемые толковыми словарями; ср. *Он принес всего 10 книг* = 'Знай, что он принес 10 книг; Я полагаю, что ты понимаешь, что это мало'; *Он принес только 10 книг* = 'Знай, что он принес 10 книг, не думай, что больше'; *Даже Джон пришел* = 'Другие пришли; Джон пришел; Я ожидал, что Джон не придет'.

Итак, в общей формуле предложения на *linqua mentalis* – М, что S есть Р – мы проанализировали структуру первого элемента. Перейдем теперь к структуре второго элемента, то есть субъекта. Здесь самое важное нововведение А. Вежбицкой состоит в том, что усматривается принципиальное различие между именами лиц и нелиц²¹: считается, что существительные типа *че-*

²¹ Аналогичные наблюдения см. в работах Гак 1966: 256 и сл., Филмор 1969 (см. выше), Золотова 1973.

ловек, мужчина, женщина, Петр, Мария имеют не одно значение, как было принято думать, а несколько разных. Когда мы говорим *Джон лежал на полу*, или *Джон много весит*, мы имеем в виду тело Джона; если же Джону приписываются не физические, а «ментальные» предикаты (*Джон не верит этой истории*, *Джон добр*), мы имеем в виду не тело Джона, а его самого, его его, его личность; наконец, в случаях типа *Джон двигался* реализуются, по мнению А. Вежбицкой, оба указанных выше значения: *Джон двигался* значит, грубо говоря, 'Тело Джона двигалось, потому что Джон (= личность Джона) хотел, чтобы оно двигалось'.

Одно из проявлений установленного ею различия А. Вежбицка видит в том, что предложения типа *Иван поцеловал руку Елены* преобразуются в предложения типа *Иван поцеловал Елену в руку*, а предложения типа *Иван поцеловал крышку ящика* <*руку трупа*> – нет (нельзя **Иван поцеловал ящик в крышку* <*труп в руку*>). Объясняется это следующим образом. В предложениях типа *Иван поцеловал Елену* позиция объекта не замещена; настоящий объект действия – не Елена (имя разумного и наделенного волей существа), а ее рука (физический предмет), что и делает возможным расширение *Иван поцеловал Елену в руку*. Не то в предложениях типа *Иван поцеловал ящик*; здесь позиция объекта уже замещена словом *ящик*, обозначающим физический предмет, и поэтому расширение предложения за счет объекта *в крышку* невозможно (ср. с. 153).

По всей видимости, эти примеры столь же мало могут обосновать выдвинутую А. Вежбицкой концепцию, как приводимые ниже примеры – опровергнуть ее: слишком велика дистанция между семантическим представлением предложения и запретами, действующими в его поверхностной структуре. Тем не менее, обратить внимание на противоречащие примеры полезно хотя бы для того, чтобы представить более объективную картину фактов.

А. Вежбицка приписывает особый статус существительным со значением 'лицо'. Между тем, синтаксическое поведение, описанное А. Вежбицкой, характерно для гораздо более широкого класса существительных, отличительной чертой которых является семантически не слишком содержательная, сильно грамматикализованная составляющая 'одушевленность'. Существительное *покойник* (в отличие от *труп*) в русском и некоторых других языках трактуется как одушевленное, и поэтому конструкция типа *поцеловать покойника в лоб* с ним вполне возможна, хотя *покойник*, как и *труп*, вряд ли может быть описан как разумное, наделенное волей и способное к целесообразным реакциям существо. По-видимому, не имеют этих атрибутов и животные, насекомые и т. п., но синтаксически соответствующие названия ведут себя в точности так же, как существительные со значением 'человек', ср. *ранить медведя в ухо*, *схватить рыбу за хвост*, *погладить жука по спинке*. Заметим, наконец, что конструкции рассматриваемого типа хотя и не характерны для существительных, обозначающих неодушевленные предметы (*лодку*, *кресло* и

т.п.), но и не вовсе чужды им; ср. *зацетить лодку багром за корму, возьми кресло за спинку, а я возьму за ножки*.

Подчеркнем, что мы сомневаемся не в полезности различения трех типов значений существительных, а только в том, что его можно обосновать таким способом.

Рассмотрим, наконец, последний элемент предложения на семантическом языке – его предикат. Мы перечислим коротко те тезисы и выводы А. Вежбицкой, которые привлекают внимание к совершенно новым аспектам старой проблемы предиката, даже если они не кажутся безусловно справедливыми. 1) Предикат – свойство предмета, но не события, поэтому никаких предикатов более чем первого порядка не существует; 2) типичные предикаты – прилагательные, глаголы со значением состояния (*спать*), чувства-состояния (*бояться*), положения в пространстве (*находиться*)²² и немногие другие (ср. Лаков 1966); 3) все остальные глаголы, то есть любые переходные глаголы (включая глаголы восприятия и собственно каузативные глаголы), глаголы перемещения и физических действий – не предикаты. В них входит значение причины (каузации); но причины связывают события, а не предметы и, следовательно, являются не предикатами, а союзами. Приведем несколько примеров анализа: *Джон видел лису* = 'У Джона был образ лисы, потому что глаза Джона пришли в (непрямой) контакт с лисой', *Джон разбил окно молотком* = 'Окно разбилось, потому что молоток вошел в контакт с окном, потому что молоток двигался, потому что тело Джона двигалось, потому что Джон хотел, чтобы его тело двигалось, потому что Джон хотел, чтобы окно разбилось'; 4) этот анализ дает основание для вывода о том, что в семантической структуре нет элементов с объектным, местным, инструментальным и другими подобными значениями, а есть только субъекты и приписанные им предикаты. «...С семантической точки зрения понятие объекта бессмысленно (или по крайней мере излишне): «объект действия» – просто субъект какой-то ситуации, каузируемой какой-то другой ситуацией (Вежбицка 1967а: 34). Аналогичным образом элемент с инструментальным значением «всегда скрывает в себе субъект самостоятельного предложения с выраженным или невыраженным предикатом (*Джон разбил окно молотком* VS. *Джон разбил окно ударом молотка*) и экспонентом причинного отношения (потому что)» (Вежбицка 1967а: 15–16); элементы со значением места в глубинной структуре тоже выполняют функции субъекта и т. д.

Изложенная выше система, по существу, извлечена целиком из первого постулата А. Вежбицкой: предикаты приписываются только предметам, но не другим предикатам. Этот постулат можно, по-видимому, оспорить, но незави-

²² Для дальнейших выводов существенно, что у всех глаголов со значением положения в пространстве усматривается глубинное значение контакта, которое связывает не субъект и место, а два субъекта.

симо от нашего к нему отношения необходимо признать, что он позволяет А. Вежбицкой реализовать цель многих теоретиков семантики – свести многоместные предикаты к одноместным – на такой широкой и глубокой основе, равной которой не удалось построить никому другому.

Подчеркнем, что выводы А. Вежбицкой, если они будут признаны справедливыми, никак не препятствуют ни тому, чтобы причина, способ действия и тому подобные значения трактовались как предикаты на уровнях, менее глубоких, чем уровень *lingua mentalis*, ни тому, чтобы объект, место и другие элементы трактовались на тех же уровнях как актанты.

В заключение этого обзора подчеркнем еще раз, что, несмотря на некоторые расхождения между представителями различных направлений и школ современной семантики, имеется определенный минимум представлений, общий для них всех. В этот минимум входит представление о том, что семантика является компонентом полного лингвистического описания, мыслимого в виде модели, которая умеет 1) строить правильные предложения естественного языка по заданным значениям или извлекать значения из заданных предложений, 2) перифразировать эти предложения, 3) оценивать их с точки зрения семантической связности и выполнять ряд других задач. Главным средством решения всех этих задач признается специальный семантический язык для записи содержания высказывания, а также словари и правила, с помощью которых устанавливается соответствие между переводящими друг друга предложениями естественного и семантического языков.

По нашему мнению, наиболее полное и последовательное воплощение эти идеи получили в уже упоминавшейся нами действующей модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», разработанной рядом московских лингвистов, и в первую очередь И. А. Мельчуком. В данной монографии мы опираемся на многие положения этой модели и поэтому изложим подробнее те из них, которые представляют для нас принципиальный интерес; с моделью в целом можно познакомиться по работам Мельчук 1974а, 1974б.

МОДЕЛЬ «СМЫСЛ $\Leftrightarrow$ ТЕКСТ» И ИСТОРИЯ ЕЕ РАЗРАБОТКИ

Исследования по действующим семантическим моделям, продолжающие глубокие лексикографические традиции В. В. Виноградова и Л. В. Щербы, возникли непосредственно в связи с разработкой алгоритмов машинного перевода и поэтому с самого начала были ориентированы на автоматическое моделирование двух операций, являющихся существенными составляющими речевой способности человека: моделирование понимания текстов (переход от заданного текста к содержащемуся в нем значению) и моделирование производства текстов (переход от заданного значения к выражающим его текстам;

см. Жолковский et al. 1961: 45; ср. понятие пассивной и активной грамматики у Л. В. Щербы: Щерба 1945).

Родословная этого направления начинается с только что упомянутой статьи А. К. Жолковского, Н. Н. Леонтьевой и Ю. С. Мартемьянова; в ней были сформулированы многие важные идеи, получившие впоследствии законченную разработку в модели семантического синтеза А. К. Жолковского и И. А. Мельчука.

Главная из этих идей состоит в том, что синонимия языковых выражений возникает не только за счет лексических синонимов в собственном смысле слова, но и за счет многих других средств языка. Лексически различные единицы могут быть 1) синтаксическими вариантами выражения одного и того же значения, например, *Выдвигая проект, Англия поставила условие* = *Когда Англия выдвигала проект, она поставила условие* = *При выдвижении проекта Англия поставила условие* (впоследствии – лексическая функция Adv_1); 2) лексически обусловленными вариантами выражения одного и того же значения, например, *оказывать (влияние)*, но *производить (впечатление)* (впоследствии – функция Op_{eg1}); 3) словами, по-разному ориентирующими описываемую ситуацию относительно ее участников, например, *А имеет В* = *В принадлежит А*, *А несмотря на В* = *В*, однако *А* (впоследствии – функция $Conp_{21}$); 4) некоторыми типами производных, в том числе супплетивных, например, *А принадлежит В* = *А – владелец В* = *В – собственность А* (впоследствии – функции V_0 , S_1 и S_2). Наконец, было обращено внимание на то, что неравнозначные слова, в значении которых имеется большая общая часть (ср. *иметь* – *брать* – *давать* – *получать* – *терять* – *сохранять*), могут служить средством образования синонимичных высказываний при разном распределении значений между частями высказывания (*Он сохранил присутствие духа* = *Он не потерял присутствия духа*)²³.

Для того чтобы точно описать существо и меру всех семантических сходств и тождеств лексически различных слов, был предложен специальный язык – язык семантических множителей. Под множителями понимались элементарные смыслы, различные комбинации которых соответствуют сложным лексическим значениям слов естественного языка (*взять* = 'сделать так, чтобы иметь самому', *дать* = 'сделать так, чтобы имел другой', *получить* = 'быть объектом действия «дать»', *сохранить* = 'не перестать иметь' и т. д.). Существенно подчеркнуть, что значение слова понималось не как простая совокупность множителей, а как определенным образом организованная структура; иными словами, для записи значения слов с самого начала использовался осо-

²³ Порознь большинство этих идей высказывалось и раньше (см., например, работы О. Есперсена, Ш. Балли, В. В. Виноградова), но в рассматриваемой работе они объединены одной стержневой идеей – идеей синонимии в широком смысле слова.

бый синтаксис. На первых этапах в этом синтаксисе различались два типа связи: «определятельная связь и связь между членами двустороннего отношения» (Жолковский et al. 1961: 39). Последняя выражалась в разной расстановке имен предметов на местах двухместных предикатов типа *иметь* – *принадлежать*: *иметь* (А, В) = *принадлежать* (В, А).

В языке семантических множителей был не только элементарный синтаксис типа правил образования, но и элементарные правила преобразования. Помимо правила обращения, в достаточной мере проиллюстрированного выше (*А раньше В* = *В позже А*), можно указать на правило снятия двойного отрицания и правило снятия тавтологии. Последнее возникло на почве того наблюдения, что «привычные нормы выражения на любом языке очень часто допускают смысловые тавтологии»²⁴ (ср. значение приближения у глагола *подойти* и предлога *к* в словосочетании *подойти к остановке*, значение удаления у глагола *убежать* и предлога *от* в словосочетании *убежать от опасности* и т.п.). В связи с этим повторяющиеся части значения в окончательной семантической записи устраняются, так что 'приближение + приближение' = 'приближение'.

Перечисленные средства позволяли изображать в явном виде (сведением к одной и той же семантической записи) синонимичность внешне очень различных предложений естественного языка. Язык множителей имел и ряд других привлекательных черт. Он уравнивал в правах лексические и грамматические средства передачи семантической информации (например, суффикс прилагательного *-м/-ем-* и глагол *может*, ср. *переводимый* = 'который может быть переведен'); был экономен (в самых первых экспериментах число множителей было по крайней мере на порядок меньше числа описанных с их помощью лексических значений ряда естественных языков); позволял по-новому определить некоторые важные лингвистические понятия, в частности понятие значения, под которым Жолковский et al. понимали семантический инвариант множества преобразуемых друг в друга предложений (ср. Жолковский и Мельчук 1970); наконец, давал основание думать, что путем последовательного разложения сложных значений на более элементарные компоненты можно получить ограниченное число более или менее универсальных значений, годных для описания семантики любых естественных языков.

Последнее утверждение (известное еще со времен Лейбница) нуждается в пояснениях. В свое время было замечено, что разнообразие синтаксических систем разных языков создается за счет разнообразия сложных синтаксических структур (*Accusativus cum Infinitivo*, *Nominativus cum Infinitivo*, *Ablativus*

²⁴ Это явление было четко и полно описано в работе Балли 1955: 169 и сл. под названием «обязательного грамматического плеоназма» (см. с. 79 настоящего исследования); ср. также Мастерман et al. 1959.

absolutus, Dativus Absolutus и т. п.), возникающих в результате преобразования простейших ядерных структур. Число же ядерных структур невелико, а сами ядерные структуры более или менее универсальны, т. е. встречаются в значительном числе языков мира или во всех языках. Можно заметить, что, по-видимому, элементарные значения отличаются тем же свойством: чем элементарнее значение, тем больше круг языков, в которых оно может иметь однословное выражение, и тем больше вероятность того, что оно действительно выражается таким образом, а элементарные значения однословно представлены, видимо, в большинстве языков мира. Разнообразие и «неконгруэнтность» семантических систем разных языков возникают на уровне комбинаций элементарных значений.

Возвращаясь к рассматриваемой работе, отметим в заключение, что в ней был впервые поставлен вопрос о словарях анализа и синтеза и фильтрах анализа и синтеза как необходимых компонентах системы, моделирующей полный цикл общения (т. е. переход от текста к значению и от значения к тексту). Задача словаря анализа состоит в том, чтобы обеспечить все мыслимые прочтения данного текста; необходимы и процедуры (в позднейшей терминологии – фильтры) для разрешения и снятия возникающей таким образом омонимии (или многозначности). Словарь синтеза, с другой стороны, «строится от смысла к выражению, так что все синонимичные слова и формы ставятся в соответствие некоторой одной смысловой записи» (Жолковский et al. 1961: 36). Поэтому процедуре разрешения омонимии (многозначности) при анализе должна соответствовать некая процедура разрешения синонимии при синтезе, т. е. процедура выбора окончательных вариантов выражения заданного значения в множестве принципиально мыслимых синонимичных вариантов. В связи с этим была намечена система фильтров, с помощью которых множество синтезируемых выражений просеивается и ограничивается (возможности лексических и грамматических средств языка, условности выражения на данном языке, стилистические правила).

Важной вехой в развитии этой концепции был сборник работ по семантике, выпущенный Лабораторией машинного перевода МГПИИЯ им. М. Тореза (Машинный перевод 1964; см. анализ этого сборника в обзоре: Апресян и Бабицкий 1966). Общей задачей теоретической семантики по-прежнему считается моделирование владения языком, под которым понимается (в более четкой формулировке 1964 года) способность говорящего по-разному выразить одну и ту же мысль и способность слушающего установить семантическое тождество внешне различных высказываний²⁵. Такое определение понятия

²⁵ Интересным исключением является работа Ю. С. Мартемьянова (Мартемьянов 1964), в которой была предложена одна из первых моделей понимания связного текста. В основе модели лежат следующие содержательные представления. Текст – это описание физически, психологически или логически связанных друг с другом ситуаций. Каждая ситуация может быть исчерпывающим образом задана перечнем ее участников и перечнем имеющихся у

«владение языком» предполагает существование особого, не данного в прямом наблюдении «языка мысли», или семантического языка, на котором каждая мысль имеет единственную, каноническую форму выражения. Тогда перевод с естественного языка на семантический соответствует пониманию текста (анализу), а перевод с семантического языка на естественный — производству текста (синтезу).

Главным объектом исследования в рассматриваемой серии работ стал семантический язык, а внутри семантического языка — его словарь. Относительно словаря семантического языка была выдвинута идея его ступенчатого расширения, начиная с простейших значений ('множество', 'предмет', 'свойство', 'отношение', 'время', 'пространство', 'не', 'и', 'или', 'необходимо', 'достаточно', 'истинно' и т. п.) — через стадию определяемых на их основе «промежуточных понятий» ('никакой', 'другой', 'только', 'несовместимо', 'предшествовать', 'соприкасаться', 'каузировать', 'путь' и ряд других) — к словам естественного языка, определяемым на основе исходных и промежуточных слов семантического языка и любых уже определенных слов описываемого естественного языка. Другим новшеством была та идея (высказанная еще в работе Рассел 1940: 48), что семантический язык безразличен к делению слов на части речи, как они представлены в естественных языках. Таким разным словам русского языка, как *должен* и *обязательно*, *мочь* и *возможный*, *возражать* и *против*, *только* и *единственный* и т. д., соответствует (каждый раз) одно и то же слово семантического языка (Машинный перевод 1964: 18).

Что касается синтаксиса семантического языка, то хотя в большинстве конкретных исследований формальный синтаксис еще не фигурировал

них в данный момент свойств. Имеет место понимание текста, если мы можем извлечь из каждого предложения текста картину описываемой этим предложением ситуации. Но существует и понимание в более глубоком смысле. На основании уже усвоенной семантической информации, поступившей из осмотренной или прослушанной части текста, читатель (слушатель и т. п.) строит правдоподобные гипотезы о возможном содержании предшествующей и последующей частей текста. Мера подтверждения возникающих при восприятии текста гипотез такого рода и есть мера его понимания.

Основанием для построения гипотез является 1) знание свойств участников «текущей» ситуации, 2) знание имплицативных законов, связывающих данные свойства с другими свойствами. Если, например, в данном месте текста сказано: *На поляне горел костер*, мы можем заключить, что а) некое лицо раньше зажгло его с определенной целью, например, с целью приготовить пищу; б) что на поляне в непосредственной близости от костра относительно светло и можно видеть окружающие предметы, относительно тепло и можно согреться и т. п. Поэтому, осмотрев предшествующий и последующий куски текста, мы не удивимся, если найдем в них упоминание лица, зажегшего костер, или упоминание приготовленной пищи, или упоминание жмущихся к костру продрогших людей и т. д. (ср. с. 17). Дальнейшее развитие и формализацию этих идей см. в работах Дорофеев и Мартемьянов 1969а, 1969б, 1969в.

(вместо него использовался обычный русский синтаксис), в ряде специально «алгоритмических» работ была сделана попытка наметить его основные контуры. В частности, в работе Жолковский 1964а была предложена новая форма записи значения слова, в явном виде отражающая его иерархическую синтаксическую структуру: пример (с небольшими модификациями, находящимися в полном соответствии с духом всего сборника):

$$A \text{ убеждает } B \text{ в } C =$$

	1	2	3
убеждает	A	B	C

$$=$$

	1	2	
каузирует	A	считает	1
			2
			B
			C

Эта запись в целом соответствует скобочному представлению сложного высказывания через более простые, принятому в языке исчисления высказываний ($A \text{ убеждает } B \text{ в } C = \text{'каузирует (A, считает (B, C))'}$). Однако табличная форма записи с явно пронумерованными предикатными местами показывает более наглядно, каким образом простые значения ('каузировать' и 'считать') перерабатываются в более сложное значение ('убеждать') и как возникают в ходе этой переработки синтаксические свойства последнего. Похожие идеи были впоследствии положены в основу правил перехода от семантического представления (толкования) слова к его глубинно-синтаксическому представлению в форме модели управления, которые были разработаны в рамках модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» и используются в толково-комбинаторном словаре.

Семантический язык — лишь один из компонентов модели, имитирующей владение языком в указанном выше смысле. Поскольку владение языком проявляется в способности переводить с естественного языка на семантический и обратно, другим необходимым компонентом модели оказываются двуязычные словари особого рода — естественно-семантический (для анализа) и семантико-естественный (для синтеза). В рассматриваемых работах упор сделан на словарь первого типа.

Новые идеи этого словаря можно подытожить следующим образом:

1. Преобразования, которыми владеют носители языка и которые позволяют установить тождество внешне различных высказываний, основаны на взаимопревращениях абстрактных слов; конкретные слова часто не имеют даже синонимов и в преобразованиях остаются неизменными. По указанной причине глубокий анализ, обеспечивающий возможность таких преобразований, дается лишь словам первой группы²⁶.

²⁶ Здесь уместно сослаться на Л. В. Щербу, который не считал нужным давать исчерпывающий семантический анализ всем словам литературного языка. Многие специальные термины должны, с его точки зрения, определяться самым приблизительным образом,

2. Объектом толкования является в общем случае не отдельно взятое слово, а целая ситуационная, или сентенционная, форма, содержащая, помимо толкуемого предиката, переменные, которые обозначают участников описываемой данным предикатом ситуации (см. выше глагол *убеждать*). Объясняется это тем, что значение многих слов нельзя истолковать иначе, как в составе такой формы (подробнее см. с. 97).

3. С другой стороны, толкуется не одна сентенционная форма, а множество синонимичных друг другу форм, например, *А предшествует X-y* = *А раньше, чем X* = *X позже, чем А* или *Х затрачивает В на Р* = *Х тратит В на Р* = *Х расходует В на Р* = *Р стоит X-y В*; при этом тематически родственные друг другу предикаты размещаются в словаре в непосредственной близости друг от друга (*затратить* — *исчерпать* — *иссякнуть*, *жалеть* — *щадить* — *беречь*, *случиться* — *удаться* — *добиться* — *справиться* — *повезти* и т. д.). В результате естественно-семантический словарь приобретает свойства словарей двух типов: толковых и идеологических. В толковых словарях слова семантически не упорядочены, но каждое слово имеет определение. В идеологических словарях слова не имеют определений в собственном смысле слова, но семантически упорядочены. В русско-семантическом словаре имеется и семантическая упорядоченность на входе словарной статьи, и толкование на выходе.

К сказанному следует добавить, что сами материалы к русско-семантическому словарю отличаются редкой для теоретических работ содержательностью и чисто лексикографическим новаторством в области толкований. Приведем несколько примеров толкований: *прекращать Р* = 'начинать не Р'; *оказывать давление на лицо А* = 'действовать с целью каузировать для лица А трудность несовершения какого-либо действия или неперехода в какое-либо состояние' (Щеглов 1964: 51, 54); *А рассчитывает на В* = 'А считает истинным, что В выполнит задачу D плана X', *А полагается на В* = 'А считает истинным, что В выполнит задачу D; принцип целесообразности каузирует А не прилагать других ресурсов для выполнения D' (Жолковский 1964: 88); *пока А, В* = 'А временно, А и В одновременно' (Леонтьева 1964: 45).

Следующий этап в развитии рассматриваемой концепции связан с появлением в 1965 году первой из серии работ А. К. Жолковского и И. А. Мельчука по вопросам семантического синтеза (Жолковский и Мельчук 1965, 1967, 1969, 1970). В предложенной ими модели семантического синтеза главные идеи рассмотренных выше работ были развиты в нескольких направлениях ²⁷.

чтобы не приписывать языковому сознанию говорящих того, чем они не владеют; ср. «... в общем словаре приходится так определять слово *золотник*: одна из частей паровой машины» (Щерба 1940: 68).

²⁷ При изложении модели было сочтено целесообразным не заставлять читателя охотиться за необходимыми сведениями, разбросанными по трудно доступным изданиям, а

Прежде всего, получили дальнейшее и очень плодотворное развитие мысли о синонимических средствах естественного языка и о лексически обусловленных вариантах выражения одного и того же значения, положенные в основу понятия лексической функции. Это понятие играет ключевую роль в модели семантического синтеза и представляет большой самостоятельный интерес.

Под лексической функцией (ЛФ) понимается функция, ставящая в соответствие данному слову или словосочетанию X другое слово или словосочетание Y , определенным образом связанное с X -ом по смыслу. Выделяются два типа ЛФ: лексические замены и лексические параметры.

Лексические замены — это функции, ставящие в соответствие данному слову X такое слово Y , лексическое значение которого (в переводе на семантический язык) совпадает, целиком или частично, с лексическим значением X -а (семантическая связь на парадигматической оси языка). При этом синтаксические свойства Y -а могут существенно отличаться от синтаксических свойств X -а.

Как следует из приведенного выше определения, лексические замены суть средства равнозначного перифразирования, т. е. средства лексической синонимии в широком смысле слова. К их числу относятся собственно синонимы (Syn), конверсивы ($Conv$, см. главу пятую) и чисто синтаксические дериваты (S_0, A_0, Adv_0, V_0), т. е. производные другой части речи, полностью сохраняющие лексическое значение исходного слова, ср. *двигаться* — *движение*, *рожать* — *роды*, (*быть*) *белый* — *белизна* (S_0); *строить* — *строительный*, *республика* — *республиканский*, *карты* — *карточный* (A_0); *быстрый* — *быстро*, *смысл* — *по смыслу*, *большой* — *очень* (Adv_0), *строительный* — *строить*, *любовь* — *любить* (V_0)²⁸.

Приведенные примеры показывают, что производность типа $X_0(Y)$ можно усмотреть в любой паре слов, которые принадлежат разным частям речи и имеют одинаковый перевод на семантический язык. При этом совершенно неважно, содержат ли они один и тот же корень или нет (ср. супплетивные пары *казаться* — *впечатление*, *здороваться* — *приветствие*, *чесаться* — *зуд*, *живот* — *брюшной*, *большой* — *очень*) и которое из слов формально более сложно (A_0 (*строить*) = *строительный*, а V_0 (*строительный*) = *строить*).

Родственные заменам лексические функции *Anti* (антоним) и *Gener* (родовое слово, ср. *республика* — *государство*, *шахматы* — *игра*, *любить* — *относиться*, *красный* — *цвет*): лексическое значение антонимов и родовых

собрать их вместе и представить в сжатом, но достаточно полном виде. Изложение строится на основе материалов, собранных автором. Некоторые понятия (в частности, *Caus*, *Liqu*, *Perm*, *Real*) уточнены.

²⁸ Как легко заметить, собственно синонимы, конверсивы и синтаксические дериваты рассматриваются нами как частные случаи синонимии в широком смысле слова, которая таким образом выступает по отношению к ним в качестве родового понятия.

слов имеет много общего с лексическим значением исходного слова, хотя и не совпадает с ним полностью.

Перейдем к лексическим параметрам. Если лексические замены ставят в соответствие слову X другое слово Y, семантически связанное с X на парадигматической оси языка, то лексические параметры ставят в соответствие данному слову X такое слово Y, которое семантически связано с X-ом на синтагматической оси языка.

Уже В. Порциг обратил внимание на пары слов типа *собака — лаять, ножницы — стричь, рука — хватать, пища — есть, одежда — надевать* и др. под., т. е. на синтагматические смысловые отношения между словами, которые он противопоставил парадигматическим семантическим полям Й.Трира (Порциг 1934). Позднее Дж. Фирт отделил изучение синтагматической сочетаемости слова (meaning by collocation, Фирт 1951: 196) от изучения собственно значения. Сочетаемость, по его мнению, не обязательно имеет логическую основу и поэтому может быть идиоматичной. Например, английское *ass* 'осел' в переносном значении сочетается с прилагательным *silly* 'глупый', *obstinate* 'упрямый', *awful* 'ужасный' и скорее с *young* 'молодой', чем с *old* 'старый'. Интересно, что русское *осел* в сравнимом значении с прилагательными *глутый* и *молодой* сочетается неохотно. *Time* 'время' по-английски может быть *saved* (буквально — 'спасено', ср. русск. *сэкономлено*), или *spent* — 'потрачено', оно *presses* (буквально — 'давит', ср. русск. *не ждет*), *flies* — 'летит' и т. д.

Впоследствии типы семантических отношений между такими словами стали изучаться более систематически. Были, в частности, выделены такие семантические отношения, как вещь и ее обычный атрибут (*лимон — кислый*), действие и деятель (*собака — лает*), действие и его объект (*пол — подметать*), действие и его инструмент (*стричь — ножницы*), действие и место действия (*сидеть — стул, лежать — кровать*), действие и каузация действия (*иметь — давать, видеть — показывать*) и др. под. (Флавеллы 1959; ср. также Вейнрейх 1966б: 7). В 1968 году Дж. Лайонс вновь противопоставил парадигматические семантические отношения, представленные в парах *муж — жена, хороший — плохой, стукнуть — хлопнуть* и т. п., синтагматическим семантическим отношениям, представленным в парах *русые — волосы, лаять — собака, править — машина, тнуть — нога, писать — картина*. Назвав пять простейших типов таких отношений (адъективное, субъектное, объектное, инструментальное, каузативное — см. примеры), Дж. Лайонс подытожил свой краткий обзор следующим характерным признанием: «Многие из этих отношений между определенными классами лексических единиц не могут быть описаны в рамках трансформационного синтаксиса Н. Хомского иначе, как с помощью набора частных (*ad hoc*) правил семантического согласования» (Лайонс 1968: 440).

Заслуга А. К. Жолковского и И. А. Мельчука состоит в том, что они обнаружили несколько десятков семантических отношений такого рода (лексических параметров) и описали в виде формальных правил наиболее существенные связи между ними.

Лексический параметр — это абстрактное, типовое значение, которое, подобно грамматическому, выражается при достаточно большом числе слов; однако, в отличие от грамматического значения, при разных словах оно выражается очень различными средствами, причем способ его выражения зависит от того, при каком именно слове оно выражается. Таким образом, понятие лексического параметра развивает уже упоминавшуюся на с. 37 идею об идиоматичных, лексически обусловленных (иногда — дополнительно распределенных) вариантах выражения одного и того же значения при разных словах и расширяет традиционное представление о лексических синонимах: оказывается, что лексическими синонимами могут быть слова, имеющие в точности совпадающее или близкое значение, но никогда не встречающиеся в одном и том же окружении (совершенно не способные к взаимозамещению).

Примером лексического параметра может служить Magn ('очень', 'высокая степень'). Magn синтагматически сочетается со словами разных частей речи, ср. Magn(*брюнет*) = *жгучий*, Magn(*дурак*) = *круглый*, Magn(*ошибка*) = *грубая*, Magn(*тишина*) = *гробовая*, Magn(*тьма*) = *крошечная*, Magn(*дисциплина*) = *железная*, Magn(*знать*) = *досконально*, Magn(*спать*) = *крепко*, Magn(*ранить*) = *тяжело*, Magn(*белый*) = *ослепительно*, Magn(*круглый*) = *идеально*, Magn(*здоровый*) = *абсолютно* ²⁹.

Для удобства дальнейшего изложения мы условно разделим главные лексические параметры на аналоги глаголов, существительных и адъюнктов (прилагательных и наречий).

Основными глагольными лексическими параметрами являются параметры Oper_i, Func₀, Func_i и Labor_{ij}. Чтобы уяснить содержательное существо этих параметров, рассмотрим ситуацию, обозначаемую словом *влияние*. В этой ситуации принимают участие два действующих лица: А — первый участник, тот, кто влияет, и В — второй участник, тот, на кого влияют.

Oper_i — это полувспомогательный глагол, соединяющий название i-го участника ситуации в качестве подлежащего с названием самой ситуации (в данном случае — словом *влияние*) в качестве дополнения. Oper₁ (*влияние*) = *оказывать* (А *оказывает влияние на В*). Oper₂ (*влияние*) = *быть под, находиться под, испытывать, подвергаться* (В *находится под*

²⁹ В работе Апресян, Жолковский, Мельчук 1968 рассматриваются две сравнительные степени параметра Magn — Plus (больше) и Minus (меньше), которые обычно выражаются совместно с каким-нибудь глагольным параметром, ср. *Цены растут* (IncepPredPlus), *Зарботки сокращаются* (IncepPredMinus). В той же статье введены новые параметры Perm, Perf, Cont, Result, Able_i, Figur, Caus_i, Liq_i, Perm_i (см. ниже) и ряд других.

влиянием А, В испытывает влияние А, В подвергается влиянию А). Func₀ — это полувспомогательный глагол со значением 'иметь место', при котором название ситуации выполняет функцию подлежащего. Func₀(влияние) = *иметь место* (Имеется место влияние А на В). Func₁ — это полувспомогательный глагол, соединяющий название ситуации в качестве подлежащего с названием i-го участника ситуации в качестве дополнения. Func₁(влияние) = *исходить от* (Влияние на В исходит от А). Func₂(влияние) = *распространяться* (Влияние А распространяется на В). Наконец, Labor_{ij} — это полувспомогательный глагол, соединяющий название i-го участника ситуации в качестве подлежащего с названием j-го участника ситуации в качестве основного дополнения и с названием самой ситуации в качестве второстепенного дополнения. Labor₁₂(влияние) = *подвергать* (А подвергает В своему влиянию).

Как следует из этих определений, Орег-ы, Func-и и Labor-ы находятся в конверсных отношениях друг к другу; они не имеют четкого семантического содержания (за исключением того, что берут на себя выражение глагольных категорий) и выполняют, по существу, чисто синтаксическую функцию «оглаголивания» существительных; ср. Орег₁(прием) = *оказывать*, Орег₁(препятствие) = *чинить*; Орег₂(прием) = *встречать*, Орег₂(препятствие) = *сталкиваться* с; Func₁(власть) = *принадлежать* (кому-л.), Func₁(предложение) = *поступать* (от кого-л.); Func₂(предложение) = *касаться* (чего-л.), Func₂(удар) = *обрушиваться* (на кого-л.); Labor₁₂(насмешки) = *осыпать* (кого-л. насмешками), Labor₁₂(казнь) = *предавать* (кого-л. казни), Labor₂₁(гость) = *иметь* (кого-л. гостем). Функцию оглаголивания существительных выполняет и параметр Corp₁(связка), представленный такими словами, как *быть, служить, являться, доводиться* (родственником), и рядом других. Совместное выражение параметра Corp₁ и следующего за ним имени носит название Pred; так, Pred(учитель) = Corp₁(учитель) + *учитель* = *быть учителем* = *учительствовать*.

Все остальные глагольные лексические параметры имеют самостоятельное лексическое значение и присоединяются главным образом к глаголам, в том числе и вспомогательным.

Среди параметров с самостоятельным значением выделяются параметры неучастников ситуации и параметры участников ситуации.

К числу параметров неучастников ситуации относятся Caus (каузатив, глагол со значением 'делать так, что некая ситуация начинает иметь или имеет место'³⁰); Liq₁ (ликвидатив, глагол со значением 'делать так, что ситуация перестает иметь место или не имеет места'; Liq₁ = CausFin или

³⁰ Новейшая литература о каузативах: Вежицка 1967а, Халлидей 1968, Голомб 1968, Лайонс 1968: 352 — 369, Джонсон 1968, Мельчук 1972, Каузатив 1969. Из старых работ см. Балии 1955: 125 и сл., Теньер 1959: 259 — 272. Обычно сообщаются следующие сведения о каузативе: 1) морфологическая классификация: а) морфологический каузатив (*сохнут* —

Causne) и Perm (пермиссив, глагол со значением 'не делать так, что ситуация не может иметь места', Perm $\cong$ неCausne). Примеры: Caus (стоять) = // ставить³¹, CausOper₁ (паника) = повергнуть (кого-л. в панику), CausOper₂ (контроль) = ставить (что-л. под контроль), CausFunc₀ (паника) = сеять (панику); Ligu (спать) = // будить, LiguOper₁ (должность) = освобождать (кого-л. от должности), LiguOper₂ (власть) = освобождать (кого-л. из-под власти), LiguFunc₁ (власть) = отнимать власть (у кого-л.); Perm (входить) = // впускать, Perm (проходить) = // давать дорогу (кому-л.), не PermOper₁ (волнение) = ограждать (кого-л. от волнений), PermOper₂ (экзамен) = допускать (кого-л. к экзамену), не PermFunc₁ (беда) = открывать (беду от кого-л.).

Среди глагольных параметров участников ситуации выделяются параметры с фазисным значением (Inser = 'начинать', Fin = 'переставать' = Inserне, Cont = 'продолжать' = неFin = неInserне); параметры с аспектным значением (Real = 'реализовать требование, содержащееся в значении названия ситуации'³²), Perf = 'довести до предела действие, обозначенное

сушить, мокнуть — мочить), б) лексический, или супплетивный, каузатив (знать — сообщать, умирать — убивать), в) аналитический каузатив, иногда допускающий сжатие (знать — давать знать — сообщать, уходить — заставляя уходить = уводить); 2) синтаксическая классификация и синтаксические свойства: а) каузативы от непереходных глаголов (сохнуть — сушить); б) каузативы от переходных глаголов (знать — сообщать). Как правило, в каузативном глаголе на одну валентность больше, чем в исходном. Почти все трехместные (трехвалентные) глаголы каузативны. Каузативные глаголы в большинстве случаев транзитивны, но отличаются от некаузативных транзитивных глаголов тем, что на более глубоком уровне семантического представления их акантами являются не субъект и объект, а субъект каузации и субъект каузируемого состояния или действия; 3) семантическая классификация (фактитив, пермиссив, ассистив и т. п.; подробности см. Каузатив 1969: 36 и сл.). Отметим регулярные морфологические способы выражения Caus в русском языке: глагольные суффиксы -изирова-, ифицирова-; основы -носный (вредоносный, победоносный, смертоносный), -гонный (мочегонный, потогонный, слюногонный), -творный (смехотворный, снотворный, тошнотворный), -точивый (гноеточивый, кровоточивый, слезоточивый, слюноточивый), -курение (винокурение, самонокурение, смолокурение) и нек. др.

³¹ Две косые черты — знак «склеивания» — обозначают, что значение исходного слова и значение данного лексического параметра выражаются совместно: LiguFunc₀ (сон) = прерывать; прерывать + сон = будить; следовательно, будить есть склеенное выражение параметра LiguFunc₀ (сон) и самого ключевого слова сон.

³² Эту характеристику можно уточнить следующим образом. Real берется от двух классов слов. В значение слов первого класса входят смыслы, совпадающие с модальностями 'хотеть', 'мочь', 'должен', или производные от них. К числу производных от этих слов относятся, например, 'цель', 'предназначение' и т. п., из чего, в частности, следует, что Real-ы можно брать от любых существительных со значением инструмента, приспособления, средства и других артефактов (Real (нож) = резать, Real (поезд) = ехать). Другой класс слов, сочетающихся с Real-ом, это слова, существенным смысловым компонентом которых является значение соответствия—несоответствия какой-либо информации действительному положению дел: Служи <гипотезы, сообщения> подтверждаются. В последнем примере представлен параметр Fact, конверсный параметру Real.

названием ситуации', Result = 'быть результатом действия'); параметры с каузативным значением (Caus_i — автокаузатив i-го участника ситуации, Liqu_i = автоликвидатив i-го участника ситуации, Perm_i = автопермиссив i-го участника ситуации); наконец, параметр Manif со значением 'делаться явным' (о том, что обозначено названием ситуации). Примеры: Incer (спать) = // засыпать, IncerOper₁ (власть) = приходить (к власти), IncerOper₁ (грезы) = погружаться (в грезы), IncerOper₂ (власть) = попадать под (власть); Fin(спать) = // просыпаться, FinOper₁ (власть) = утрачивать (власть), FinOper₂ (власть) = выходить из-под (власти), FinOper₂ (доверие) = терять (доверие); ContOper₁ (спокойствие) = сохранять (спокойствие), ContOper₀ (пост) = оставаться на (посту), ContFunc₀ (напряженность) = сохраняться, ContFunc₀ (запах) = держаться; Real₁ (стрелять) = попадать, Real₁ (ловить) = поймать, Real₁ (пытаться) = добиваться, Real₂ (спрашивать) = отвечать, Real₂ (лесть) = попадаться на (лесть), Real₂ (загадка) = отгадывать (загадку); Perf (стрелять) = выстрелить, Perf (пытаться) = попытаться, Perf (спрашивать) = спросить, Perf (брать) = взять; ResultPerf (класть) = лежать = ResultPerf (ложиться), ResultReal₁ (учиться) = уметь, ResultReal₁ (изучать) = знать; Caus₁ Func₁ (власть) = устанавливать (власть над кем-л.), Caus₁ Func₁ (беда) = накликать (беду на себя), Caus₂ Func₂ (комплимент) = напроситься (на комплимент), Caus₂ Func₂ (подозрение) = навлекать (на себя подозрение), Caus₃ Oper₁ (обещание) = связывать (кого-л. обещанием), Caus₃ Func₁ (обещание) = брать (обещание с кого-л.); Liqu₁ Func₁ (сомнения) = откинуть (сомнения), Liqu₁ Func₁ (полномочия) = складывать (с себя полномочия), Liqu₁ Real₂ (память) = высчеркивать (что-л. из памяти); Perm₂ Func₂ (побои, оскорбления, насмешки...) = терпеть, сносить (побои...); Caus₁ Manif (мужество) = проявлять (мужество), Caus₁ Manif (признательность) = выражать (признательность), Caus₁ Manif (волнение) = обнаруживать (волнение).

Основными субстантивными лексическими параметрами являются параметры S_i (типовое название i-го участника ситуации), S_{instr} (типовое название инструмента ситуации), S_{loc} (типовое название места ситуации), S_{mod} (типовое название способа действия) и введенные позднее S_{res} (типовое название результата ситуации) и Figur (образное обозначение ситуации). Все они присоединяются только к глаголам; ср. S₁ (учить) = учитель, S₂ (учить) = ученик; S₁ (лечить) = врач, S₂ (лечить) = пациент; S₁ Oper₁ (агрессия) = агрессор, S₁ Oper₁ (беседа) = собеседник; S_{loc} (хоронить) = могила, S_{loc} (биться) = поле боя; S_{instr} (отопливать) = система отопления, S_{instr} (думать) = ум; S_{mod} (ходить) = походка, S_{mod} (писать) = стиль, S_{mod} (говорить) = выговор, дикция; S_{res} (победа) = плоды (победы), S_{res} (совещание) = итоги (совещания), S_{res} (заболевание) = последствия (заболевания), S_{res} (перемещение) = местоположение, местонахождение.

ние; *Figur* (брак) = *узы* (брака), *Figur* (заговор) = *нити* (заговора), *Figur* (сатира) = *жало* (сатиры), *Figur* (туман) = *пелена* (тумана), *Figur* (рабство) = *ярмо* (рабства). Кроме чистых S_i в последнее время стали рассматриваться S_{iusual} — в большинстве случаев имена физических предметов, которые обычно (ср. *usual*) принимают участие в данной ситуации на правах ее i -го актанта. S_i — абстрактное понятие, толкованием которого является фраза типа 'тот, кто X-ует', 'тот, кого X-уют' или 'то, чем X-уют' и т.д.; S_{iusual} — имя конкретной вещи, которая должна определяться перечислением ее физических свойств, ср. S_1 (квакать) = *квакушка* ('тот, кто квакает') и S_{1usual} (квакать) = *лягушка*, S_{instr} (думать) = *ум* ('то, чем думают') и S_{instr}^{usual} (думать) = *мозг* (мозг есть и у существ, неспособных думать), S_{loc} (жить) = *жилье* ('то, в чем живут') и S_{loc}^{usual} (жить) = *дом*, S_{loc} (сидеть) = *сиденье* ('то, на чем сидят') и S_{loc}^{usual} (сидеть) = *стул*.

Из адъюнктивных параметров мы рассмотрим аналоги прилагательных *Magp* (см. выше), *Bop*, A_i , $Able_i$ и аналоги наречий Adv_i . *Bop* имеет значение 'хороший' и присоединяется, как и *Magp*, к именам и глаголам, ср. *Bop* (терпение) = *ангельское*, *Bop* (влияние) = *благотворное*, *Bop* (участь) = *завидная*, *Bop* (тема) = *благодарная*, *Bop* (атмосфера) = *здоровая*, *Bop* (покупать) = *дешево*³³. Два других параметра присоединяются только к глаголам. A_i — это типовое название i -го участника ситуации, имеющее форму определения, ср. A_1 (гореть) = *в огне, горящий*, A_2 (дирижировать) = *под управлением* (ср. *оркестр под управлением Иванова*), A_1Opp_2 (власть) = *подвластный*. $Able_i$ отличается от A_i лишь тем, что это — типовое название i -го потенциального участника ситуации, т. е. участника, который способен производить данное действие, которого можно подвергнуть данному действию и т. п.; ср. $Able_1$ (терпеть) = *терпеливый*, $Able_1$ (происходить) = *потенциальный*, $Able_2$ (слышать) = *слышный*, $Able_1Opp_1$ (бой) = *боеспособный* ('такой, который может вести бой')³⁴. Adv_i — это типовое наречие, семантически связанное с названием i -го участника ситуации; Adv_1 (сидеть) = *сидя*, Adv_2 (перевести) = *в переводе* (ср. *известен в переводе Лозинского*).

³³ Регулярные средства выражения *Bop* и *AntiBop* в русском языке — префиксы и основы *без-*, *не-*, *благо-*, *добро-*, *зло-*, *перво-*, ср. *бескровная* (победа), *бездарный* (писатель), *неподкупный* (судья), *незванный* (гость), *благодатный* (климат), *благополучный* (конец), *доброкачественная* (продукция), *добронравное* (поведение), *злополучный* <*злосчастный*> (день), *первостатейный* (товар), *первоклассный* (писатель).

³⁴ Регулярные морфологические средства выражения параметра *Able* в русском языке — суффиксы *-к-ий*, *-ляв-ый*, *-ив-ый*, *-лив-ый*, *-чив-ый*, *-чат-ый*, *-ист-ый*, *-м-ый*, *-ем-ый* и ряд других, ср. *колкий*, *хрупкий*, *вертлявый*, *пискавый*, *изгивый*, *лыстивый*, *бодливый*, *терпеливый*, *прижимистый*, *исполнимый*, *переводимый*, *осязаемый*, *неподражаемый*.

Выше мы уже указывали на сходство лексических параметров и грамматических значений (см. с. 45). Теперь к сказанному можно добавить, что, как это ясно видно из приведенного выше материала, «параметрические» значения, выражаемые в одном языке лексическими средствами, могут быть выражены в другом языке грамматическими средствами. Более того: даже в рамках одного языка «параметрическое» значение может быть выражено лексически при одном слове и грамматически — при другом. Следовательно, хорошее представление о типичных «параметрических» значениях можно получить, изучая классы значений, выражаемых в разных языках грамматическими — словообразовательными и словоизменительными — способами.

В заключение этого краткого обзора параметров следует обратить внимание на то, что они могут быть взяты от слова и от словосочетания (ср. *Орег₁ (военная служба) = проходить, быть на*); что значением лексического параметра может быть как слово, так и словосочетание (ср. *Магп (знать) = как свои пять пальцев*); что от одного аргумента данный параметр может иметь более одного значения (ср. *Магп (спать) = крепко, беспробудно, без задних ног, сном праведника и т. п.*); что возможна суперпозиция параметров, ср. *Орег₁ (гости) = быть в (гостях)*, *ИнсепОрег₁ (гости) = приходить в (гости)*.

Если учесть, что понятие лексического параметра позволяет не только последовательно описывать так называемую несвободную сочетаемость слова, но и фиксировать в виде строгих правил перифрастические (синонимические) отношения между высказываниями (см. главу седьмую), станет очевидной его высокая языковая содержательность и лингвистическая ценность.

Теперь, познакомившись с аппаратом лексических функций, мы можем перейти к рассмотрению предложенной А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком модели семантического синтеза, как она была изложена авторами в конце 60-х годов.

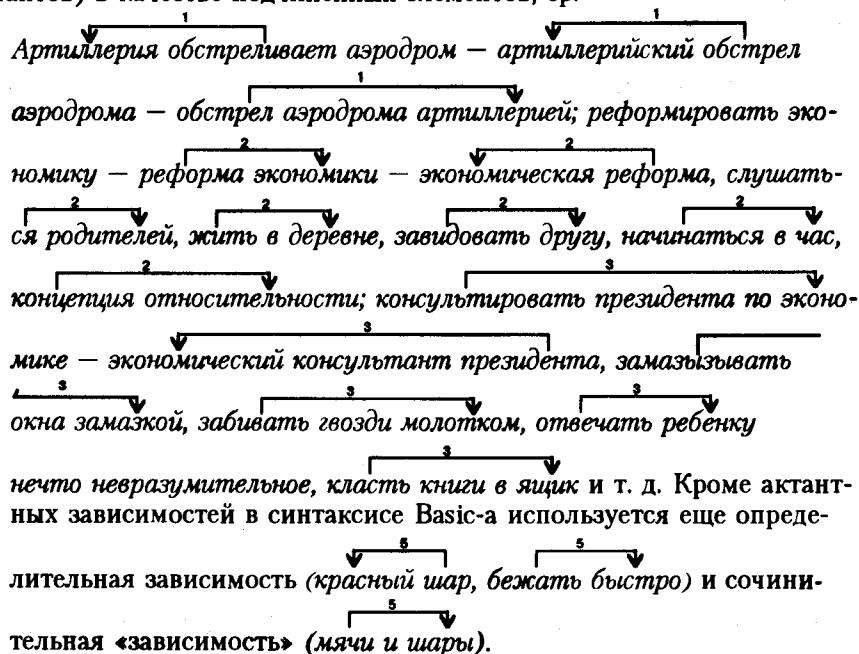
Существенными компонентами модели семантического синтеза являются 1) искусственный язык Basic, предназначенный для записи данного высказывания на глубинно-синтаксическом уровне, 2) правила перифразирования, 3) толково-комбинаторный словарь.

Рассмотрим их в указанном здесь порядке.

Basic — это искусственный язык, приближенный к естественному языку в том смысле, что он содержит все семантически самостоятельные слова естественного языка, которые не являются коррелятами каких-либо ЛФ (ср. *восторг, лыжи, считать, зеленый...*). Слова, являющиеся значениями полнозначных ЛФ, в него не входят, но представляются в его словаре символами соответствующих ЛФ. Так, в словаре Basic-а русские слова *жгучий, гробовой, крошечный, досконально, крепко, тяжело, ослепительно* и др. под. (см. выше) отражаются как *Магп; вызывать, приводить, доводить, порождать, пробуждать, тягивать, ввергать, вязывать, ставить, устанавливать* и др. под. — как *СausОрег₁ или СausFunc₁* и т. д.

Символы полнозначных ЛФ входят в состав «глубинной лексики» (в противоположность «поверхностной лексике» — коррелятам ЛФ в естественном языке), другой частью которой являются семантически самостоятельные слова данного естественного языка; глубинная лексика — это словарь Basic-а.

Синтаксис Basic-а — это синтаксис глубинных зависимостей, которые находятся в отношении много-многозначного соответствия с категориями поверхностного синтаксиса: одной глубинной зависимости могут соответствовать разные синтаксические категории поверхностного синтаксиса (согласованное или несогласованное определение, подлежащее, дополнение и т.п.), а одной и той же категории поверхностного синтаксиса, например согласованному определению, могут соответствовать разные глубинные зависимости (примеры см. ниже). Различалось шесть типов глубинных синтаксических зависимостей, изображаемых нумерованными стрелками³⁵. Стрелки 1 — 4 связывают имя ситуации в качестве главного элемента с именами участников ситуации (по терминологии Л. Теньера — актантов) в качестве подчиненных элементов, ср.

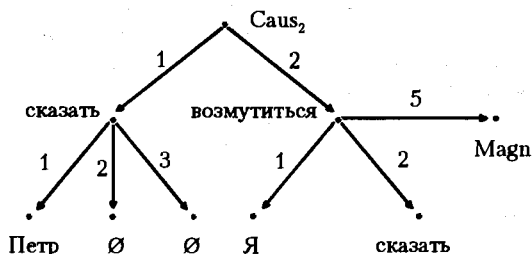

Таким образом, средства Basic-а достаточно разнообразны и гибки для того, чтобы на нем можно было довольно подробно записывать значения

³⁵ Речь идет о Basic-е в том виде, как он изложен в рассматриваемых здесь работах; см., однако, с. 135.

предложений естественного языка, и в то же время достаточно экономны для того, чтобы снять его семантически несущественное лексическое разнообразие.

Значение, подлежащее выражению на естественном языке, записывается в виде так называемой базовой глубинно-синтаксической структуры (БГСС, в прежней терминологии — исходная ЛСС), которая и является предложением Basic-a. БГСС — это дерево, в узлах которого стоят слова Basic-a (элементы глубинной лексики), связанные глубинными зависимостями, например:

Задача синтеза предложений естественного языка, синонимичных друг другу и исходному предложению Basic-a, ставится как задача множественного синтеза: необходимо получить по возможности все предложения, синонимичные исходному. Эта задача решается в несколько этапов. На первом этапе заданная БГСС подается на вход специальных лексических и синтаксических правил перифразирования (см. ниже), по которым она преобразуется в другие равнозначные ей ГСС. Уже здесь возникает значительное разнообразие выражений первоначально заданного смысла; ср. «считанные» с приведенной выше БГСС русские предложения *То, что сказал Петр, заставило меня сильно возмутиться* — *Слова Петра возмутили меня до глубины души* — *Слова Петра вызвали у меня глубокое возмущение* — *От слов Петра меня охватило глубокое возмущение* — *Слова Петра были причиной моего глубокого возмущения* — *Мое глубокое возмущение было результатом <следствием> слов Петра* — *Мое глубокое возмущение было вызвано словами Петра* $\cong$ *То, что сказал Петр, вызвало у меня негодование* и т. п. Каждому из этих предложений соответствует своя собственная ГСС. На втором этапе БГСС и каждая полученная из нее ГСС преобразуется во все возможные поверхностные синтаксические структуры — синтаксические деревья, в которых каждая ЛФ заменена своим лексическим коррелятом, а глубинно-синтаксические отношения заменены поверхностно-синтаксическими. Разнообразие выражений первоначально заданного смысла на этом этапе еще более возрастает. Затем поверхностно-синтаксические структуры морфологизируются и линейризируются всеми возможными способами, совместимыми с единством исходного

смысла, что дает новый прирост числа его возможных выражений, и последовательно заменяются глубинно-морфологическими, поверхностно-морфологическими и орфографическими представлениями словоформ.

Правила перифразирования одних ГСС в другие ГСС, играющие ключевую роль в рассматриваемой модели семантического синтеза, подробно излагаются в седьмой главе. Там же описана система фильтров, блокирующих синтезирование неприемлемых в том или ином отношении предложений. Поэтому здесь мы ограничимся иллюстрациями, без которых было бы невозможно понимание принципиальной стороны дела.

Лексические правила перифразирования фиксируют чисто семантическую эквивалентность между формулировками смысла в терминах различных ЛФ; из приведенного на с. 45 примера следует, в частности, что некий $X = \text{Oper}_1 + S_0(X) = \text{Oper}_2 + S_0(X) = \text{Func}_1 + S_0(X)$ и т. д., ср. *А влияет на В = А оказывает влияние на В = В находится под влиянием А*. Очевидно далее, что, если к левой и правой частям равнозначности прибавить одно и то же новое значение (*Incer*, *Fin*, *Caus* и т. д.), она не перестанет быть справедливой; ср. *Он бесится = Он в бешенстве = Им владеет бешенство* ($X = \text{Oper}_1 + S_0(X) = \text{Func}_1 + S_0(X)$); *Он взбесился = Он пришел в бешенство = Его охватило бешенство* (ко всем глаголам прибавлено по *Incer*). Синтаксические правила перифразирования — это правила преобразования одной ГСС в другую ГСС; они показывают, какие синтаксические перестройки надо произвести в исходной ГСС, если ее лексика заменена так, как указано в примененном к ней лексическом правиле (подробнее см. главу седьмую).

Последний компонент модели — толково-комбинаторный, или синтетический, словарь — обеспечивает выражение значения БГСС или ГСС, полученной в результате применения правил перифразирования, правильными и идиоматично построенными предложениями естественного языка. Посмотрим, какая информация должна быть включена в словарь для решения этой задачи.

Для синтеза предложения *То, что сказал Петр, заставило меня сильно возмутиться*, ближе всего соответствующего БГСС, которая приведена на с. 52, необходимо, чтобы в словарной статье глагола *возмутиться* в качестве одного из лексических коррелятов параметра Caus_2 был дан глагол *заставить*, а в качестве одного из лексических коррелятов параметра Magn — наречие *сильно*. Чтобы перейти к предложению *Слова Петра возмутили меня до глубины души*, нужно располагать информацией о том, что *слова = S₂ (сказать)*, *возмутить = // Caus₂ (возмутиться)*, *до глубины души = Magn(возмутить)*; переход к предложению *Слова Петра вызвали у меня глубокое возмущение* обеспечивается дополнительной информацией о том, что *возмущение = S_{res} (возмутиться)*, *вызвать = Caus₂Func₁ (возмущение)*, *глубокий = Magn(возмущение)*; Для синтеза предложения *От слов Петра меня охватило глубокое возмущение* нужна информация *охватывать = IncerFunc₁ (возмущение)*; для синтеза предложения

Слова Петра были причиной моего глубокого возмущения — информация причина = S_1 (Caus); для синтеза предложения Мое глубокое возмущение было результатом <следствием> слов Петра — информация результат = S_2 (Caus) и следствие = Syn (результат) и т. д. Короче говоря, в словарной статье каждого слова Basic-а должна прежде всего содержаться информация обо всех ЛФ — заменах и параметрах, — которые могут быть от него взяты, и, естественно, информация о том, каким образом они при данном слове выражаются; для слова возмущение она приобретает (огрубленно) следующий вид: Syn_{Γ} : негодование; Genet: чувство (возмущения); $Anti_{\Gamma}$: восхищение; V_0 : возмущаться; S_2 : причина, предмет (возмущения); Magn: глубокое, крайнее, сильнейшее, неопределимое; Oper $_{\Gamma}$: быть в (обычно с Magn), испытывать, чувствовать; IncerOper $_{\Gamma}$: приходить в (обычно с Magn); Func $_{\Gamma}$: владеть (кем-л.); IncerFunc $_{\Gamma}$: охватывать (кого-л.); FinFunc $_{\Gamma}$: оставлять (кого-л.); FinFunc $_{\Gamma}$: улетучиваться; Caus $_2$ Func $_{\Gamma}$: вызывать (возмущение у кого-л.); Able $_1$ Caus $_2$ Func $_{\Gamma}$: возмутительный; IncerPredPlus: расти; IncerPredMinus: // остывать. Существенно, что для всех слов описание сочетаемости выполняется по единой схеме — своего рода сочетаемостной анкете; соответствующие части словарных статей отличаются друг от друга не формой анкеты, но исключительно ее заполнением (о лексикографических преимуществах такого подхода перед обычной лексикографической практикой см. Иосельсон 1968: 5 и сл.).

Сказанного, однако, недостаточно, чтобы построить правильное предложение естественного языка (в нашем случае — русского) с заданным значением. Действительно, в соответствии с определенными правилами преобразования глубинно-синтаксических структур в поверхностно-синтаксические, поверхностно-синтаксических структур — в глубинно-морфологические представления и т. д. (см. Мельчук 1974а), рассматриваемая нами БГСС (см. схему на с. 52) постепенно превратится в следующее русское предложение: Слова Петра вызвали у меня глубокое возмущение. Из схемы БГСС еще никак не следует, что слово Петр должно стоять в родительном падеже и что первая, вторая и третья валентности глагола вызвать выражаются формами $S_{им}$, $S_{вин}$ и у $S_{род}$ соответственно. Эта информация помещается в специальной зоне словарной статьи толково-комбинаторного словаря, называемой моделью управления. В модели управления должно быть указано, каковы (по номерам) актантные синтаксические валентности слова и каково их морфологическое выражение при данном слове («существительное в именительном падеже», «существительное в винительном падеже», «предлог у и существительное в родительном падеже» и т. п.). В частности, для слова возмущение модель управления примет следующий вид (см. табл. на с. 55).

Указывая все морфологические средства выражения определенной валентности, модель управления фиксирует, таким образом, ряд возможных в данном языке поверхностно-синтаксических преобразований, ср. возму-

1 [кто испытывает]	2 [что вызывает]
1. $S_{\text{род}}$ 2. $A_{\text{прит}}$	$S_{\text{тв}}$

щение Мити = Митино возмущение, помнить об этом = помнить про это, заявление об этом = заявление по поводу этого. Таким образом, достигается полная характеристика синтаксических свойств слова, на лексикографическую важность которой указывал в свое время В. В. Виноградов.

Заметим, наконец, что, поскольку одни и те же грамматические категории, например категория винительного падежа, выражаются разными алломорфами при разных основах, в толково-комбинаторном словаре предусматривается морфологическая зона.

Содержание словарной статьи не исчерпывается, конечно, информацией, помещаемой в трех перечисленных выше зонах; можно, например, заметить, что для обеспечения преобразований типа *Он помнит о вашей просьбе* = *Он не забыл о вашей просьбе* предусматривается глубокий семантический анализ (толкование) всей описываемой лексики и т. д.; сказанного, однако, достаточно, чтобы создать у читателя представление о принципиальной схеме словаря, некоторые проблемы которого обсуждаются в последующих главах этой книги³⁶.

³⁶ Подробнее о строении, наполнении и образцах словарных статей толково-комбинаторного словаря см. Апресян, Жолковский, Мельчук 1968, 1969; они же 1970а, 1970б и другие публикации этой серии. Этот словарь соединяет в себе свойства словарей следующих типов: толкового, словаря управлений (ср. модель управления), синонимического, антонимического, идеологического (ср. функцию Genet и некоторые другие), словообразовательного (ср. функции S_0 , A_0 , S_i , A_i и т. п.) и сочетаемостного. Его отдаленным прототипом являются словари: Ройм 1953, 1955.